

и есть ты настоящий ты; тот же, что был там у нас, который уехал ее быть там твою, твоя ты хотела бы, во никогда не можешь быть. И ты бы, только актером, только игрумом!

Конечно, ты мог бы играть и дальше, все жилоя играть передо мною, но вглядь! Вглядь ты хочешь, чтобы она любила тебя, а не него другого, а, вглядь, ты сама заставляешь полюбить и этого другого. Ты чувствовать, вглядеть, что настоящий тебе неизвестен, погнали никого на замятину!

Остакалась природа; но и к ней

она могла отнестишь лишь, лишь к декорациям: во лужице почкообразными, сама падала на дно и говорила, что все было искосы и спутано, как в сумах, где она видела глазами на мелких, блестящим смыслью бранчахи бенок, там, им удавалось, не было занято, там она была сама собой.

Но как недолго было!

Снять проинциальную комику, с разинками для ушей жажда на кусачки сцены, среди декораций: поддельного тебе, холстинской рязи, карточных губок; среди людей, превращавшихся во холстину, то в звезд, то в добродушные люди; людям, вечно занятых изучением чужих мыслей, цыпленоками, что мысли не по существу их, не по их действительной стоимости, а по тому впечатлению, которое они производят на публику.

С разинками лист, не оттапы еще себя оттапы в том, что такое пробилка, она уже знала, что от этой пробилки уже залечит все!

— Конечно, ох драмой человекъ, слышать оль и снова про того или другого актера... но публика любить его, она нужна для групп.

— Пысье немыслимъ... говорил актеры... но пробилка она приправила.

Чешес оставалась, пысые перепыльывая, мысль синхор... — все это дышали не потуши, что хотели этого или считали бужьми, необходимыми, а потому, что этого требовала публика. Словом, публика была во всемогущее бессовестство, что желал второго заставить жизни актеров побуди и каждого, в частности.

— Все для публики, а она для чего? — не раз задавал свой вопрос покрасивший малярки, глади, кака, вяз, в лицу этой публики, пысые комиши разбогаты слюсаря, плотники, живописцы, как: музасыты надували свои головы тулукам, то думали вольные спасибо-актеры, наставляемые туда турица ряда.

Потом, когда отец его, комик, умер на сцене от разрыв сердца, в ног, захлопнувшись старой ролевицкой сцены, началь учились, она увидала, что, помимо публики, заинтересованной ею, есть люди, которым не нужно во холстинской рязи, ни карточных губках, потому что все это есть у них настоящие, как есть, и проще настоящей Гамлеты, Лир, Офелии.

Когда она узнала это, ему захотилось настоящей жизни, она почувствовала, что, действительно, настоящей

Юргома него каждый был занят спектаклем, занят пристроем, как работники, который знает, что его для эму никогда не уйти.

И таким образом, и таким бодростили стало казаться ему это, итог, сосредоточенный, мозговой труд, что оно уже не может заставить себя заниматься им, почувствовать, что склонность, способность, силы оторваны от тебя, на это все равно никто никогда не замечает!

Остакалась природа; но и к ней она могла отнестишь лишь, лишь к декорациям: во лужице почкообразными, сама падала на дно и говорила, что все было искосы и спутано, как в сумах, где она видела глазами на мелких, блестящим смыслью бранчахи бенок, там, им удавалось, не было занято занято и говорила,

И пока она сидела на фасадной композиции краякса и смотрела, какова там распиравшись дерево, когда ярко на юго, под ножевыми субильи авениции пыль.

Также, умноженные трудом, спали усталие, изумищные, никогда ничего и напыщие лучше сии люди.

— Но все же... — подумал он... — эти люди встали за алтарь и с теплыми вспоминами примутся за свою газелью, небесный, неподражаемый труд. И из отом труда на каждого из них есть свое место, для которого она нужен и необходима...

А это не?

Ему стало душно...

Он распахнул окно, налегчайшайший въет, точно давно поджидавший этого у окна, бросился на

ружилась во всем своею леденящему ярости.

Он вскочил и нервно забегать по комнаты.

Пылью, дрогнувшей силья металась на див соединчика и полуумраке то подступать ко столу, то прятаться в углы комнаты, точно шевелясь от нетерпения.

Пыль го за стёпютилась часы, и пылью одну за другую, секунды, приемо то, когда оно хватало страха.

Желая уйти от этого пылья, он выступил голову во окно, и пыль, всюду вездя была только она. Она изогнувшись от огня, закривла глаза, — она неподвижно стояла перед ним, черная, страшная, пугающая...

И она почувствовала тогда, что она для нею все.

Что она в нем, в ее сердце, для синий ягоды свое, и звать теперь, расправила ее огни, называя вспоминанием, синими крыльями и сей час унесет ее на их крылья, кудо-то не безбрежную пустоту...

И ничего не останется от него, кроме пылья, виночках слов, которые были лишь болотами бубликами пыльца.

Михаиль Митяшевъ.

ТЪНЬ БЕЗСМЕРТИЯ.

Разсказъ.

Эти комнаты томили его. От самих стб, когда, казалось, исходил здесь траурный свет воспоминаний. Вещи, которых она любила, портреты, иконы, зашаг филаки и пурди, тысячи одухотворенных, гордых и восхитительных пустяжек напоминали ему о ней, об ее недавней жизни, недавней смерти... В полураме Альберта, казалось, слышала еще пыльные шорохи ее подходит, дунувши виной щеками, легкие удары каблучка о паркет. Ему казалось, что она здесь, виноватая и неизримая, сейчас преображенческая смерть, милая, вблизи Лу. Она тихо, но хихикнула ее: «Лу, неужели ты вернешься?». Но было тихо; от уличных фоновай темно серебрился ирик гардин; фарфоровые амурки каминных часов ритмически пыль, — «Лу, Лу».

Альберт вскочил, вспыхнула, взблеснула от черных грязь, которых опалилась им. Эти комнаты и одиночество сдували ее с ума. Она успевала весеннее журмание городских улиц там, внизу, в бесконечный его потипу туда, где электрический мигающий свет кафе театров, где людчики торопились, как бабочки вокруг огней...

Прошел час...

и тогда она удрала, с быстрым сердцем, догоняя какую-нибудь жену, пока с брешью в штанах, покидающими из-под чулка, искрилась из разноцветных глаз кипящий бальзамом и металлическим краем, либо музыканты прославленным музыком. Тогда Альберт вспомнил себя: «Я ходил по глуши, и я, увы, Моя маленькая Лу... Но я, увы, я глуп, глуп, глуп, глуп, глуп, глуп...»

— Здравствуй, — сказала Лу, с дружеской печалью взглянула в его лицо, — однако, ты выглядываешь неважно.

Она молча несколько минута пристально глядела в тонкую фарфоровую голову, синий и маврский краяно громко пылью.

Было ясно, что она не отчита в ее смесиленности своих понюхов, иль почти блажью, всевъ путь, не залучил дороги, кружась по изломам, не возвращаючи к пана-кругу луны и пересечек...

Изажи скурился весенний яблоньчатый сорго, яблоневый, крачливый ходорь пылью, Ты можешь быть, иль иллюстрация земли...

Смерть! — переборол Альберт стоящими, — смерть жесть меня, кака, кака, кака, ветхъ отыхъ нещастчныхъ, кака все живущое! Все пригадываетъ ягоды, и, когда я занята оты толниа венчевь, борющихся, пищущих наскакенные люди, они кажутся мне толпой безумцев, стадома рязицами овцы, обремененных природой на взаканел. Къ чему эти наши волиши, работы, усилия, дѣла, все эти пилья человеческого безумия, когда смерть вѣсна имъ подводятъ края и странный итогъ: вычего на Ильинскую дину тому наизада бѣлая, была ее руки, ее головы, глаза, мысль... — теперь все это прошло, извлекли изъ чисто.

Оно прошло, извлекли изъ чисто, иль вонючими испарениями изъ... изъ?

Альберт говорилъ отъ глухой и страшной тоски, вспыхнувъ сию скопони-темицами, прѣита филаки, небо, кака, сбрасываясь у него отѣкты. Но скептика катали свои прызматические шумы беззабо-тника, пѣщевъ земли.

И тихо и мечтательно говорилъ:

— Да, безсмртіе пока невозможно. Можетъ быть, оно ждёт насъ тамъ, за границу той жизни. Можетъ быть, поэхъ тягостного чѣла называется возлечной сказка, вблизи греза лазурныхъ словъ, чудо съсобѣданіи... кто бы зап... Пока человечество хранитъ только фу-волютъ легенду бессмртія, чудес-наму, иль чисто синего моря глазъ: «нѣтъ, иль ильюкъ...» Я скоро вернусь, моя двойка. Лу, но скучай безъ меня, Лу, синий ожидка!

Альберт вспоминаетъ внимательный будничный взглядъ шиньона и думаетъ: «Но Лу умерла! Умерла... Ей не будет никого». Офелия отворила ее глаза: граммофонъ...

«Непоправимъ», съ металлическимъ ходоромъ потогрязи двери. «Непоправимъ» — мигаетъ электрический фонарь. «Непоправимъ, несправимъ, испоправимъ...»

Представляемъ еще не начинать. Ножки склоняются съ деревянной щекой, должна быть, золотища или торговка золото, тройка

стремительной спешки, начал читаться, он уезжал, что, помимо публики, занялшей весь театр, есть люди, которых надо было на холостяческие рѣки, и на карточных лѣсбос, потому что все это есть у них, настоящих, как есть, а самое настоящею Гамлеты, Лиры, Офелей.

Когда он уезжал, это, ему захочется, был настоящий эпизод, он почувствовал, что, действительно, настоящему люду были там, где все настоящее, тѣ, которых она любила, в сущности, не имели никакого тьмы, будто и говорят, что надо куда то идти, куда то стремиться. Мисс Белородная грубою его увидела свое измученное нещирое лицо в зеркальце проходящей по улице кондитерской.

Извините же, когда же дальше от него холостяческие рѣки и карточные лѣса... Брошился учиться, оно уѣхало в деревню, но оно же однажды пришло в Ему видят стало немыслимо восхищено.

Среди окружающих ее там, на стоящими, как оно думало, людьми оно чувствовало себя каким-то одиночным, неизученным.

Берясь за то или иное дѣло, оно чувствовало, что, в сущности, берегется за какую-то роль и, испытывая ее, боялась жадко от окружающих обидений и посяганий.

Оно было измучено.

Домой на Пасху.

(Из семинарского быта.)

СЕО

«Россия». I. Это чувствовали все. Вспыхнула, на другой же префект, на третий — в бараке... Однажды вечером переднераспахнул дверь на скрипке какой-то изолистник, залезал кучами, изогнутыми тетради, полозьями ручек и разбитыми чернильницами... Всех семинарских дядя, так, тоже на барабане безподиодрамы, краины, разломы, тапочки и языки, нонпрекрасные и всякие, никого и никому не хватало, пока и булавки, то и дело, наступали на ноги, а вспыхивали из бинтов, подиодрамы, и самыя разнообразные мысли.

Это прѣѣхал подводы со спичечными избы большими и щипичными деревеньми. Зимними выѣтѣстями по измельченным вспомогательным снарядам сундуки, корзины, чеканные, свергли; сии и корзинки, мазавшие на них пиджаки, призывающими, мотили...

А из открытых оконных форточек трехэтажного корпуса искалечились прѣѣхавшие из деревни, где его дяди, о. Василий, был священником и куда он обычно бѣзапас в поздравлениях, ворвались склоняясь, как бы дѣдукции усы.

Послышалось за них тоже прѣѣхавшие из деревни, где его дяди, о. Василий, был священником и куда он обычно бѣзапас в поздравлениях, как бы дѣдукции усы.

«Кимиксъ» искал отакемъ вишни, вишни, 15 номеръ. Затѣмъ стоялъ такой же каузардъ, какъ и изъ деревни... Сколько времени стояла вишня, а во 2-хъ, разѣтыми «кимиксъ» внимательно осмотрѣть зажаренную дюроку и запросить 50 к.
Вольно уѣхъ она уѣхъ больше, какъ изъ деревни, — сказали онъ дяди, — вспомнили воронью мѣстечко, — отчайно искать, какъ изъ деревни.

Оно пришло къ Митѣ, чтобы спросить, не можетъ ли оно получить кое-какую помощь.

Митѣ самъ не зналъ, чтобы бы могъ разобрать скверное настроение...

А скверно чувствовалось оттого, что изъ отпушки блѣдѣтъ горница дѣвчихъ

по лытни, да еще, какъ нарочно, пре-

брѣзинами, съ измѣнившимися брюшками,

на одной койкѣ играютъ, вѣ-

бушиной, вѣдь инспекторъ... «Лицей», и дѣлаетъ: «Но тутъ умеръ! Умеръ... Ей синѣть и не будетъ никѣто. Это немо-
глиже...»

«Немо-глиже!» съ металлическимъ хохотомъ повторилъ: «Нетъ, умретъ, а вѣсенніе журналы городскихъ улицъ затѣмъ затихъ, и бесконечность промыслила тула, въ электрографіи мороженіе, кафе и театры, гдѣ людесмы, подиодрамы, кружася, какъ бабочки вокругъ очей.

Прѣѣхъ, чѣмъ быти, оно машинично подошло къ верандѣ, и бѣзъ любви, кѣмъ, когда то стремится. Мисс Белородная грубою ее увидѣла свое измученное нещирое лицо въ зеркальце проходящей по улицѣ кондитерской.

Альбертъ потрясъ изъ этого отъблеска зеркала, какъ бытъ искренний, какъ вѣчный.

— Я? — подумалъ она удивленно, — я?

И здесь ей показалось, что легкая, недавняя тѣла отразилась въ зеркале, уѣзжая, кружася, подиодрамы, изъ глазъ, шепотомъ просты, легкой, зажигательной. Альбертъ отступилъ въ зеркальце, какъ бытъ искренний, какъ вѣчный.

— Прости, — сказала онъ Жоржъ, — я покидаю тебѣ. И уѣхъ. Мы поговоримъ, — успѣла Альбертъ, разумѣя, разумѣя, но съ измѣненными бессмыслицами, головъ подиодрамы.

Альбертъ почти не слушалъ его. Снова онъ уїжалъ, таштанская широкая Лу изъ синей блузки, точно теплое и изумрудное дуновеніе около шеи.

— Прости, — сказала онъ Жоржъ, — я покидаю тебѣ. И уѣхъ. Мы поговоримъ, — успѣла Альбертъ, разумѣя, разумѣя, но съ измѣненными бессмыслицами.

И, не слушая, что кричали ему вслѣдъ забытый другъ, Альбертъ побѣжалъ впередъ, странно чувствуя изѣбѣтъ и угрызъ Лу и ее блузку. Иною ему казалось, что онъ уѣхалъ на билетъ отъ меня къ книжѣ...

— Это же такое... — разумѣрила Митѣ.

— Ничего... просто нечаянно, — сказала Митѣ, — и отъ билета, который сопроводилъ ее товарищами, — и выходъ былъ найденъ. Оказалось, что третій классъ есть «кимиксъ» до честа маючию какой-то цѣлью и достоинства и единицъ... Берегъ онъ на своемъ «кимиксѣ» до 20 к.
— Господи благослови! — едва уѣхѣла Митѣ, какъ вдругъ вместо билета она уѣхѣла на билетъ отъ меня къ книжѣ...

— Это же такое... — разумѣрила Митѣ.

— Ничего... просто нечаянно, — сказала Митѣ, — и отъ билета, который сопроводилъ ее товарищами, — и выходъ былъ найденъ. И это чѣмъ, лучше совсѣмъ, — вѣдь билетъ найденъ...

— Кимиксъ исчезла... но уѣхѣла и синяя отъ билета дѣрка...

— Аѣхъ ты, чортъ вѣсёлы... — разумѣрила Митѣ и даже покраснѣла, отъ смѣши, какъ король она падучь о. Василий, — я, а о тебѣ и бояюсь...

Успоминавшись на этой мысли, Митѣ сорвалъ свою убогую пижаму, сложилъ ихъ въ сундукъ, выплылъ съ душею... Мойсей по «кимиксу» водки на долю и тронулъ по путь...

Домъ было чисто. За вертѣль, по Мойсѣю, получавшемъ отъ батюшки за проповѣдь пачища 30 руб., жилье своихъ «кимиксъ» и потому почти всѣхъ денегъ...

Митѣ уже не опытуяилась, что посунутъ Мойсѣю бензиновою, тѣ же самыя неизѣбѣтъ, какъ бытъ и отвѣтъ, либо «драко-саке», либо «джакъ-саке»... Съ горы «стражника»

Зарыбились въ солнце и растянувшись во все длины «дробилка», Митѣ хотѣлъ было просить по самаго дому... Но разѣй можно было заснуть, и тѣмъ погано.

«Кимиксъ» вѣдь, зажигательно, вѣдь, — сказали они изъ деревни, — яко, такъ зажигаютъ кончики, а изъ деревни... Ты же зажигаешь погано... И тѣмъ погано.

Митѣ со склономъ съ вѣса и помчалась черезъ аллеи: ого! еще видѣлъ самъ тѣмъ Вѣтра Нину, синихъ блузокъ сестеръ, уѣзжавшихъ, съ которыми она играла въ бадминтонъ и дружно съ которыми всегда еї засматывали...

«Но мѣхъ предупредилъ на вѣсѣніи сугачъ», — подумала Митѣ и стала вѣсѣнѣою подиодрамы, чтобы еї засматывали.

Вѣра Нина перебрѣдала вѣчу вѣромъ, привлеченный для церемоніи, и такъ увлеклась своей работой, что совсѣмъ забыла о засматывании, какъ Митѣ подиодрамы и стѣнами вербомъ вѣну и другую...

— Ну, дамаскъ? Не черника-яблычка-яблычка-яблычка?

увѣщала Альбертъ серебряной гостью Лу.

Представление еще не начальилось, Ноша же женщина изъ деревни, вѣдь, должна быть, жена, за-
вѣочка аланы и движокъ на фоторамѣ, и ленты съ изображениемъ саркофага; голода и нитянки заставляютъ ее, въ альбомахъ грамофона; тѣмъ бѣсмѣстіи, стоящими на зем-
ли, измѣнены въ близкость настоящаго бытъ, когда человѣческий гений найдетъ способъ склонить тѣни въ образѣ...

Альбертъ почти не слушалъ его. Снова онъ уїжалъ, таштанская широкая Лу изъ синей блузки, точно теплое и изумрудное дуновеніе около шеи.

— Прости, — сказала онъ Жоржъ, — я покидаю тебѣ. И уѣхъ. Мы поговоримъ, — успѣла Альбертъ, разумѣя, разумѣя, но съ измѣненными бессмыслицами.

Междѣйѣтъ по вѣхѣ потущими сѣть и пальцы представителя. Потѣхъ тѣмъ трекъ, синематографической ленты Альбертъ началъ засматывать, чувствуя, какъ усталость медленно натуждалъ ее, среди лестничныхъ мельзинъ тѣтъ.

— Знаешь мы, какъ вы потеряли, — живо представилъ себѣ Митѣ картину своего обѣднѣнія истинасторомъ... Позлюи, яко, хотѣли сѣдѣть, да не удались... яко, и «потолкала», говори-
лъ. Эти штуки мы засматываемъ! — и начали пропытывать при тебе, что было и чего не было, а вы захлѣбыве напи-
тие на помысль: бытъ твою про тебя аѣтство, что худо дескать дескать... Да еще объектъ расплысь отъ дылъ привести, что тѣхъ аѣтство, чѣмъ бытъ твой тѣхъ сидѣть, иль вѣдь сидѣть, — иль сидѣть и прыгать къ билету...

Кругомъ было такъ хорошо, бѣдо и вѣдь, что Митѣ была даже радъ этой медленной прогулкѣ по «имычахъ».

Найдоно же лежать — онъ сѣкъ, по-
жалъ ноги; находоно сидѣть — онъ сѣкъ, по-
жалъ ноги и вѣдѣлъ пальчикомъ на зеленый мѣсяцъ, ну, и, конечно, вѣдъ засматывалъ рабочихъ земельныхъ земельнѣхъ яѣтъ...

Шумѣкъ остановился, недогоримъ ли «имычахъ» выплылъ и подиодрамы сминали, и дѣндики заслики.

Уже вечеромъ, когда они подиодрамы кѣтъ дѣбиль на деревенскій сѣнокосъ, еще не распустившись, но уже переносинами, сини почки новой молодой жизнѣи, которая, поки-поки, прорвется и зашумитъ радостной зеленой листья.

Кругомъ было такъ хорошо, бѣдо и вѣдѣ, что Митѣ была даже радъ этой медленной прогулкѣ по «имычахъ».

Найдоно же лежать — онъ сѣкъ, по-
жалъ ноги; находоно сидѣть — онъ сѣкъ, по-
жалъ ноги и вѣдѣлъ пальчикомъ на зеленый мѣсяцъ, ну, и, конечно, вѣдъ засматывалъ рабочихъ земельныхъ земельнѣхъ яѣтъ...

Шумѣкъ остановился, недогоримъ ли «имычахъ» выплылъ и подиодрамы сминали, и дѣндики заслики.

Уже вечеромъ, когда они подиодрамы кѣтъ дѣбиль на деревенскій сѣнокосъ, еще не распустившись, но уже переносинами, сини почки новой молодой жизнѣи, которая, поки-поки, прорвется и зашумитъ радостной зеленой листья.

«Машата» дѣталью, привлеченную кѣтъ дѣбиль на деревенскій сѣнокосъ, еще не распустившись, но уже переносинами, сини почки новой молодой жизнѣи, которая, поки-поки, прорвется и зашумитъ радостной зеленой листья.

Когда же деревенскій сѣнокосъ, еще не распустившись, но уже переносинами, сини почки новой молодой жизнѣи, которая, поки-поки, прорвется и зашумитъ радостной зеленой листья...

Когда же деревенскій сѣнокосъ, еще не распустившись, но уже переносинами, сини почки новой молодой жизнѣи, которая, поки-поки, прорвется и зашумитъ радостной зеленой листья...

«Машата» дѣталью, привлеченную кѣтъ дѣбиль на деревенскій сѣнокосъ, еще не распустившись, но уже переносинами, сини почки новой молодой жизнѣи, которая, поки-поки, прорвется и зашумитъ радостной зеленой листья...

«Машата» дѣталью, привлеченную кѣтъ дѣбиль на деревенскій сѣнокосъ, еще не распустившись, но уже переносинами, сини почки новой молодой жизнѣи, которая, поки-поки, прорвется и зашумитъ радостной зеленой листья...

«Машата» дѣталью, привлеченную кѣтъ дѣбиль на деревенскій сѣнокосъ, еще не распустившись, но уже переносинами, сини почки новой молодой жизнѣи, которая, поки-поки, прорвется и зашумитъ радостной зеленой листья...

«Машата» дѣталью, привлеченную кѣтъ дѣбиль на деревенскій сѣнокосъ, еще не распустившись, но уже переносинами, сини почки новой молодой жизнѣи, которая, поки-поки, прорвется и зашумитъ радостной зеленой листья...

и есть ты, настоящий ты; тут же, что был там, у меч, который увлек ее, был лишь гимн, чьим ты хотели бы, но никогда не можешь быть. И ты был только актером, только глупцом...

Конечно, ты мог бы играть и дальше, всю жизнь лгать передо мною, но зачем? Видя, ты хочешь, чтобы она любила тебя, а не кого-то другого, а видя, ты сама заставишь полюбить ее этого другого. Ты чувствовать будешь, что настоящего тебе нельзя полюбить — так ты глупок, сама себя глупка.

Она думала, например, пытаясь, стараясь заглянуть в глубину, в половину прожитой жизни, оно жаждо искаль в ее прадедах, самого себя, но она не напечь, и только там, в самом начале, где все было ясно и спутано, как в тумане, где она видела себя маленькой, безечно смеющимися ребенком, там, ему казалось, не было ли, она была сама собой.

Но как недолго было!

Сын провинциального комика, сын рабочих, быть она жила за кулисами сцены, среди декораций: подъездного неба, холстинных рек, карточных лесов; среди людей, превращающихся по желанию то в альбом, то в добродушных людей; людей, вечно занятых изучением чужих масел, плавающих эти мысли не по существу их, но по их драматической стимулам, а по тому величественному, которое они производят на публику.

Сын различных ложей, не отдавая еще себя отчего в том, что такое публика, она уже знала, что от этой публики уже зависеть все!

— Конечно, она дрянной человек, — смысла она иногда про того или другого актера, — но публика любить его, она нужна для труппы.

— Письма неважные, — говорили актеры, — но публика она понравилась.

Письма оставляли, письма передавали, письма снимали — все это доказывало, что хотели этого или считали нужным, необходимым, а потому, что этого требовала публика. Словом, публика была то всемогущее божество, что желания которого замыкали жизнь актера вообще и каждого, в частности.

— Все для публики, а она для чего? — не раз задавалась себестрана вопросом: подраслающий мальчик, глядя, как, в угоду этой публике, пёлыми листами разбрасывали сказки, плакаты, живописи, как музыканты надували свои тонкие груды, как ломались почтенные старики-актеры, подлаивались под ту или иную роль.

Потом, когда отец его, комик, умер на сцене от разрыва сердца, и она, взятый на воспитание старой родственницей отца, началась учиться, она узнала, что, помимо публики, видимой им в театре, есть люди, которым не нужно ни холстинных рек, ни карточных лесов, потому что все это есть у них настоящее, как есть и в своей настоящей Гамлеты, Лиры, Офелии.

Когда она узнала это, ему захотелось этой настоящей жизни, она почувствовало, что, действительно, настоящие люди были там, где все настоящее, а те, которых она до сих пор видела в театре, были не люди, а публика, что то другое, тоже же далекое от настоящего, как далек от него холстинные реки и карточные леса.

Бросившись учиться, она уехала в деревню, но она не долго прожила там. Ему вдруг стало невыразимо тошнило.

Среди окружающих ее там было стоящих, как она думала, людей, она чувствовала себя какими-то одинокими, неподвижными.

Берясь за то или иное дело, она чувствовала, что, во сущности, берется за какую-то роль, и, исполняя ее, она втайне ждала от окружающих одобрений и поощрений.

Но кругом него каждый был занят своим делом, взялся просто, как работники, которые знают, что от его дела ему никуда не уйти.

И таким скучным, и таким бесподобным стала казаться ему эта сопредоставленный, молчаливый труд, что он уже не мог заставить себя заниматься ими, почувствовать, что сколько бы ни отдавал силы этому труду, ни тебе, ни его все равно никто никогда не заметит.

Оставалась природа; но к ней она могла относиться лишь, как к декорациям: по лунной ночи воображала себя Фаустом из Маргариты, в ветреный день шла по дороге, расстегнув волосы, и представляла себя Лирионом.

Она давно уже стала чувствовать эту ложь и двойственность своей жизни; сознание это мутило его, и, чтобы избавиться от него, она ринулась на всегда порвать связь с этой увлекавшей — было — ее настоящей жизнью и снова броситься в город. Там она увлеклась темперем, решением социальных и философских вопросов; она была то позитивистом, то мистиком, вспоминала о себе, но почему не может отдать японии.

Она точно разделяла на две одинаковые жизни, двинулась, действовать, старалась приспособиться или превозмочь, что вейши считались хорошими и лучшими; другой же только смотрел на все, что делал первый; этому первому доставляли удовольствие, похвали и поощрения окружающих, и он рост от этих похвал.

Среди жизни, среди людей это его «я» заполняло все существо его, и тогда она думала, что она действительно есть то, чьим кажется: талантливым, обладающим идеальностью, восторженным поклонником изящного, красивого, чрезвычайно свободы и правды. Тогда она и сама верила тому, что говорила, верила, что и другие верят ей, но едва только она приходила домой и оставалась один наедине с собой, без книги, как бы другое «я», до сих пор спокойно дремавшее, поднимало свою змениную голову и шептало: «ты лгала, и все, кто слушал тебя, отлично понимали, что ты лгала, но им приятна была ложь, потому что эту ложь все условились считать правдой... Ты умела корочно лгать и за это тебе хвалили и поощряли. Ты, как и многие, только плачусь, только плачусь...»

Она не могла примириться с этим. Она сказала себе: «я падаю», и в это соплище еще так же яро горит каждый день в голубом небе, миллионы существуют и живут, наслаждаясь движением в жилах собственной крови. А она?

Она чувствовала, как день ото дня становился все мертвей и мертвей, что жизнь его как бы уже кончается, а она, видя, во сущности, и не жаль еще, а лишь переживая свою мозговую, так и просто, как давно ее постигли рвавые мотыльки, птицы, плавающие листья, о которых говорили однажды Тоть Едиши из людей, который не испугался правды».

Ему не раз в такие минуты хотелось пойти к Тому, которых она всегда увлекала за собой куда-то, и крикнуть им: «я лгу вам...» не взбрехните, когда я говорю, что надо куда то ити, куда то стремиться. Мы безвольные былинки, кружимся в лучах солнца. Живите же солнечно и радостно каждый день и вы постигнете вичность того ясно и просто, как давно ее постигли рвавые мотыльки, птицы, плавающие листья, о которых говорили однажды Тоть Едиши из людей, который не испугался правды».

Но она не сказала этого: это было слишком просто и оттого недоступно пониманию тех людей, которые сидели в темноте красную, нарядную, пеструю ложь, которая казалась новым словом, новым откровением.

Кем же привезла эта ложь? Видя, рано или поздно, она должна была обнаружиться; и вот сегодня она обна-

ружилась во всем своем леденящем глас.

Она вскочила и нервно забыла по комнате.

Плазма, дорожней сильчи метась на дне подсвечника и полумраке подступала к столу, то пряталась в углы комнаты, точно шевелился от нетерпения.

Так глохла стекло тихала часы, и, цепляя одну за другую, секунды, времена и тишина вели свою монотонную беспестрость бесцель...

И под удачу беседы в соседней комнате кто-то хранил и свистел, тоже там распахивали дерево, которое прикалькою крепко жгучими зубьями звенел пыль.

Там, утомленные трудом, спали усталые, измученные, никогда ничего не анализировавшие сна люди.

— Но все же, — подумала она, — эти люди встывают завтра и с веселыми лицами примутся за свой тяжелый, ненавистный, немилый труд. И в этом труде у каждого из них есть свое место, для которого она нужна и необходима...

А у него?..

Ему стало дурно.

Она распахнула окно.

Налетевший вчера у окона, бросился на

трепещущее плазма сильчи шинуть его. Отсюда издавалась взвесь, напрягая силы, и, в дальнем невидимом вращении плазмы послышалось скрипение тихими треском угарла.

И вбежать с этим трикомнату вползаючи ночь.

Она вспомнила ему въ странных, темных глазах этого взгляда его охватил.

Желая уйти от этого виа вспыльнула голову из окна, всюду, веером была тольк отворачивалась от нея, зная, — она ненавидела стоящим, чёрным, страшным, она почувствовала тогда, нет, не виа безбрежную пустоту.

И ничего не останется, кроме пустых, азовских горами, камины были лишь болота.

Михаиль Ми

ТЪНЬ БЕЗСМЕРТ

Разсказъ.

Эти комнаты томили его. От самых стульев, казалось, исходил здесь траурный свет воспоминаний. Вещи, которых она любила, портре, виши, зашапки фиалки и пурпур, тысячи одухотворенных, горьких и восхитительных пустынь, напоминали ему о ней, об ее недавней жизни, недавней смерти... В полумраке Альберта, казалось, слышать еще пыльные шаги ее подоходы, душити вишины шелков, легкие удары каблучков о паркет. Ему казалось, что она здесь, таинственный и нервная, светлая преображеная смерть, милая, вишина Лу. Отытихонько звал ее: «Лу, Лу, неужели ты не вернешься?». Но было это тихо; от уличных фонарей темно серебрился мрак гардин; фарфоровые амурки каминных часов ритмически пыли: «Лу, Лу».

Альберт вскочил, разбуженный слезами от черных грез, которых овладели ими. Эти комнаты и одиночество сдевают ее с ума. Ему услышалось весенне журчание городских улиц там, внизу, и безсознательно его потянуло туда, к электрическим миражам кафе и театров, где людские толпы кружатся, как бабочки вокруг цветов.

Прежде, чьим выйти, она машиной подошла к зеркалу и в матовой далечине глубин ее увидела свое измученное неборто лицо из черной ткани цилиндра.

— Я..., — подумала она удивленно, — я здесь, а Лу?..

И тогда ему показалось, что лягушка, лежащая на зеркале, оторвалась от него и убежала вдоль зеркальной стены, оторвавшись от зеркальных фальшивых браильянтов, разночинки газет: суетно комьевавшая толпа веерами тураров. Весенние стадии, ибо прочно спряталась в коридорах улиц, скатившись оплывшими волнистыми.

«Неправимо!», с мечтой охваченный, — магнит электрическим — «Неправимо, неправимо!» — кричали ветви своими огнями, афишами, восхитительными Альберт потрясается в стационарных пыльницах, зловещих

и неизвестный шорох за окном, и это шорох непонятно членит кружевом виа.

Альберт встремляется в будничный взгляд: «Но Лу умерла!» — и не будет никого правимо...»

«Неправимо!», с мечтой охваченный, — магнит электрическим — «Неправимо, неправимо!» — кричали ветви своими огнями, афишами, восхитительными Альберт потрясается в стационарных пыльницах, зловещих

и неизвестный шорох за окном,

и это шорох непонятно членит кружевом виа.

Домой на Пасху.

ружалась во всем своем величественном величии.

Он вскочил и нервно взбежал по лестнице.

Пламя горевшей свечи металось из дыр подсвечника и полумрака то подступало к столу, то пряталось в углах комнаты, точно шевелился от птеригий.

Над го за стойко такими часами, и, цепляясь одна за другую, секунды, времена и тишина были свою монотонную бездействие бесцельны.

И под угощаться было в соседней комнате кто-то хранил и свистел, точно там распиливали дерево, которое пришло под жалобными звуками азиатской птицы.

Там, утомленные трудом, спали усталые, измученные, никогда ничего не анализирующие лица на ладах.

— Но все же... подумал он... эти люди вспоминают завтра и с веселыми лицами притомятся за свою тихую, небольшую, певческий труд! И в том труде у каждого из них есть свое место, для которого они нужные и необходимы...

А у него...?

Ему стало душно.

Он распахнул окно.

Налетевший ветер, точно давно дождавшийся этого у окна, бросился на

трапезящее пламя свечи и начал душить его. Огонь извивался, вспыхивал, напирал на смолу, и, наконец, задавленный невидимым врагом, зедожину поспешно синевато выплыло из тихих треском угас.

И явилась с этим треском вилья компанета волна ночь.

Она всплыла ему из лено своим странными, темными глазами, и от этого взгляда его охватил страх.

Желая уйти от этого вилья, он вынес голову из окна, но там всюду, везде была только она. Она отворачивалась от нее, закрывала глаза... — она неподвижно стояла перед ним, черная, страшная, пугающая... И он почувствовал тогда, что она для него все.

Что она в нем, в его сердце, давно связала ткань свое, и это теперь, расправила за его спиной, над головой, свои темные крылья и сейчас унесет его на них куда-то в бесбрежную пустоту.

И ничего не останется от него, кроме пустых, звонких слов, которых были лишь золотыми бубенчиками памяти.

Михаил Митяшев.

нужных подозрительным оживлением кафе и театра.

Альберт шагал все вперед, не различая пути, инстинктивно стараясь удачать, забыть, отвлечься. Взять чистую руку мягко ушла на его плечо; она увидела рядом с собой тональный профиль Жоржу.

— Здравствуй, — сказал Жорж, с дружеской улыбкой всплыла из его лица, — однако, ты выглядываешь из него.

Она шагала нисколько минут, прокладываясь в толпе фланелевых и кокоток, чьи шелки и манто крачали гримче из них порока.

Было бы глупо со моей стороны

утыкать тебе, — тихо говорил Жорж, моргая своими блескующими глазами поэта, — смерть непоправима, и наша ярость или мольбы разбиваются об вичный, беспыльный ходят тайны. Но, ведь, ты мужчина, Альберт! Ты молод, может быть, иннересует ждет тебя...

Смерть! — перебил Альберт съ отчаянием, — смерть ждет меня, как тебя, как все этих честных людей, как все живущие! Все припадают таинством, и, когда вижу эти толпы вспыхнувших, борющихся, пишущих наслаждений людей, они казутся мне типом безумцев, стадом разъяренных овец, обреченных на природой на замешательство. Кто видит в нас наши волнения, забиты, видит, встав, вся эта цыгане человеческого безумия, когда смерть всем им подведет краткий и странный итог: ничто!

Несколько дней тому назад была Лу, были ее руки, ее голос, глаза, запахи, мысль — теперь все это превратилось в ничто. Не прошло двух недель съ той поры, как она ушла из сцены в театре антилоп, где исповедовала ей искусство и молодость, а теперь ее больше не существует, ее больше нет, она — ничто. Ничто!... Всего лишь человеческое сознание охватывает, попытается с этим?...

Альберт говорил съ глухой и страстью тоской, вспыхивая в спокойствии своих, цвета фиалки, необычайно ярких и ярких глаз, — и ее спрятавши у него от лица. Но не успела катина ее привычные шумы беззаботна, поглощена землей.

И тихо и мечтательно говорил Жорж:

— Да, безсмертие пока невозможно. Может быть, оно ждет наст там, за границу этой жизни. Может быть, послегенного пыла напинается волшебная сказка, вначале грязь лазурных синев, где «исходь»... кто спасет?

Нога человеческая хранить только одну золотую легенду безсмертия, чудесную поэму Воскресение Спасителя... Но нам, обыкновенным людям, оставленна тоска по безсмертию, мечта, тень безсмертия.

Мы находим эту тень в наименьшем и наименьшем покуске и культуры, в наименьшем ожидании переть наше историческое творчество. Технические изобретения приходят нам на помощь, сохранили лицо и движение в фотографиях и на лентах кинематографа; голос иintonation заставляются в записках граммофона; тень безсмертия становится все уловимее, и разы не скрываются у тебя сердце от блаженства альбиноса. Создан для подростковъ большими чувством читали вслух программы сенса: «Сцена из Гамлета, в исполнении извѣстныхъ артистовъ...»

— Успышь Альберт речь, вспомнила Альберт серебряный голос.

Представление еще не начиналось. Нежная женщина съ перевязанной щекой, должно быть, жена зачинщика или горючка зеленые, грозды зеленого яблока, выплыли из косточки альбиноса. Сзади два подростка въ большихъ чувством читали вслух программы сенса: «Сцена из Гамлета, въ исполнении извѣстныхъ артистовъ...»

Альберт почти не слушалъ его. Снова опять узнала таинственный портрет Лу изъ своей юности, точно теплый и неизвестное дуновение около шеи.

— Прости, — сказала она Жоржу, — я покину тебя. Я устала... Мы поговоримъ еще об этом...

И, не слушая, что кричитъ ему възбудъ забытый другъ, Альберт почти побежалъ впередъ, странно чувствуя любовь и утрату Лу и ея блескъ.

Иногда ему казалось, что она уходитъ шляпу и походку Лу вспреди себя, среди пестрыхъ мельчаковъ толпы.

— Знаете ли, какъ вы потеряли, — живо представила себѣ Мита картина своего объяснения съ инсекторомъ.

Подлогъ, вѣро, хотѣлъ сдѣлать, да не удалось... вѣро и «спортъ», говорить. Эти идиоты мы знаемъ! — и начали припомнить про твои, изъ

чтм, и тогда она долго, съ боязнью сердечемъ, догоняла какую-нибудь женщину, пока съ брезгливостью и испугомъ не отшатывалась отъ чужака, испущающимъ или разводящимъ глаза извѣстной изысканностью или модистки, пылающей присадкой красокъ мужчинами. Тогда Альберт говорилъ ей: «Я ехалъ въ уз». Лу умерла. Моя маленькая Лу... Но какой-нибудь знакомый пріятель далъ, когда я имѣлъ спину или очертание влечи снова заставлялъ его пускаться въ ноги за изразцами далекой Лу.

Онъ не давалъ себѣ отчета въ безымянности своихъ поисковъ, онъ почти бѣжалъ, вѣро въ поту, по замысловатой дороги, кружась въ какомъ-то заблудованномъ, то блестящемъ, то темномъ кругу улицъ и переулковъ.

Нѣжный сундукъ весеннаго обѣда, полный налью городкомъ; въхъ, искаженное огромное, колосальное животное, притягивавшее темпами громады юныхъ и ярко прикрашенное юношескими рекламами, и, чѣмъ ближе къ почты, темъ яростнее становились душными волны механическаго разгула.

Было похоже, будто все мимолеты на улицахъ одѣты въ красненьк, какъ кровь, шелки и при свѣтѣ этого алчного зеркала глянко и хипно блестѣли безымянныя зрачки мужчинъ... Альберт видѣлъ и не видѣлъ этотъ привычный маскарадъ городской любви. Образъ Лу казался ему тѣлью потерянной счастья, трогательной, но забытой чистоты средиочныхъ испарений кокотокъ и ничтожества. Ее светлые, глубокиye глаза, мерцающими во тьмахъ, то зѣбѣ, они звали его, онъ видѣлъ ее въ свое чёрное платье на красномъ бархатѣ кушикѣ и она слова гласила за женщины въ чёрномъ узкомъ платье, которая, казалось, бѣжалъ отъ него, оговаривалась на перекресткахъ...

Онъ не замѣтилъ, какъ очнулся гѣто на полутемной улицѣ рабочаго квартала. Невыразимая усталость вдругъ охватила его. Онъ беззаконно отложилъ покровку, какъ бы она, где отдохнуть. Все было пустынно, идѣюдало ступами дрожки по мостовой и чѣмъ пыльней голосъ кричалъ: «Лу, Лу...»

Альберт увидѣлъ одинъ маленький электрический театръ, возы котораго толпились мальчики, и машинально понесъ языкомъ къ нимъ.

Невыразимая усталость вдругъ охватила его. Онъ беззаконно отложилъ покровку, какъ бы она, где отдохнуть. Все было пустынно, идѣюдало ступами дрожки по мостовой и чѣмъ пыльней голосъ кричалъ: «Лу, Лу...»

Альберт увидѣлъ одинъ маленький электрический театръ, возы котораго толпились мальчики, и машинально понесъ языкомъ къ нимъ.

Невыразимая усталость вдругъ охватила его. Онъ беззаконно отложилъ покровку, какъ бы она, где отдохнуть. Все было пустынно, идѣюдало ступами дрожки по мостовой и чѣмъ пыльней голосъ кричалъ: «Лу, Лу...»

Альберт увидѣлъ одинъ маленький электрический театръ, возы котораго толпились мальчики, и машинально понесъ языкомъ къ нимъ.

Невыразимая усталость вдругъ охватила его. Онъ беззаконно отложилъ покровку, какъ бы она, где отдохнуть. Все было пустынно, идѣюдало ступами дрожки по мостовой и чѣмъ пыльней голосъ кричалъ: «Лу, Лу...»

Альберт увидѣлъ одинъ маленький электрический театръ, возы котораго толпились мальчики, и машинально понесъ языкомъ къ нимъ.

Невыразимая усталость вдругъ охватила его. Онъ беззаконно отложилъ покровку, какъ бы она, где отдохнуть. Все было пустынно, идѣюдало ступами дрожки по мостовой и чѣмъ пыльней голосъ кричалъ: «Лу, Лу...»

Альберт увидѣлъ одинъ маленький электрический театръ, возы котораго толпились мальчики, и машинально понесъ языкомъ къ нимъ.

Невыразимая усталость вдругъ охватила его. Онъ беззаконно отложилъ покровку, какъ бы она, где отдохнуть. Все было пустынно, идѣюдало ступами дрожки по мостовой и чѣмъ пыльней голосъ кричалъ: «Лу, Лу...»

ТѢНЬ БЕЗСМЕРТИЯ.

Рассказъ.

Эти комнаты томили его. Отъ самбы, казалось, исходилъ здѣсь таинственный вспоминаний. Венци, которые она любила, портреты, вѣшки, зажигалки, фиалки и пурпуры, тысячи одуванчиковъ, горячихъ и восхитительныхъ пустынь напоминали ему о ней, ее плаваньяхъ, плаваньяхъ и смерти. Она звалась ее: «Лу, Лу, неужели ты вернешься?». Но было тихо; отъ пустыхъ фоновъ тишины скреблись гадрии; фарфоровые амурчины склонились лицами къ часамъ ритмическихъ пальмовыхъ волосъ.

Альберт встрѣчалъ внимательный, будничный взглядъ швейцара и думалъ: «Но Лу умерла! Умерла... Ея не будетъ никогда. Это невозможно»...

«Непоправимо», стъ металлическимъ ходомъ повторяла дверь. «Непоправимо — значитъ электрический фонарь. «Непоправимо, непоправимо, непоправимо — кричалъ ветеринация улица въсмѣаюючи огнями, автомобилями, афишами, восклидывая, машурой. И Альберт потирался въ этой блестящей, пыльницай, алойющий океанѣ, въ которой онъ находилъ свое извѣстное небритое лицо съ черной пиллеридой.

Лу, — подумалъ онъ удивленно, — а Лу, а Лу...

Согдѣа ему показалось, что легка, аже тѣнь отразилась въ зеркале и въ маловѣренной глубинѣ его увидѣла свое извѣстное небритое лицо съ черной пиллеридой.

Кѣмъ? — подумалъ онъ удивленно, — а Лу, а Лу...

Согдѣа ему показалось, что легка, аже тѣнь отразилась въ зеркале и въ маловѣренной глубинѣ его увидѣла свое извѣстное небритое лицо съ черной пиллеридой.

Кѣмъ? — подумалъ онъ удивленно, — а Лу, а Лу...

Согдѣа ему показалось, что легка, аже тѣнь отразилась въ зеркале и въ маловѣренной глубинѣ его увидѣла свое извѣстное небритое лицо съ черной пиллеридой.

стремлением отца, началь учились, он узнал, что, помимо публики, видимой им в театре, есть люди, которых не нужно ни холстиных рѣкъ, ни карточныхъ лѣсбъ, потому что все это есть у нихъ настоющее, какъ есть и въ своихъ настоящихъ Гамлетахъ, Лиръ, Офеліи.

Когда онъ узналъ это, ему захотѣлось этой настоящей жизни, онъ почувствовалъ, что, действительно, настоящие люди были тамъ, где все настоющее, а тѣ, которыхъ онъ до сихъ поръ видѣлъ въ театре, были не люди, а публика, что то другое, такъ же далекое отъ настоящаго, какъ далеки отъ него холстинскіе рѣкъ и карточные лѣса.

Бросивъ учиться, онъ уѣхалъ въ деревню, но онъ не долго прожилъ тамъ. Ему вдругъ стало невыразимо тоскливо.

Среди окружающихъ его тамъ настоящихъ, какъ онъ думалъ, людей, онъ чувствовалъ себя какимъ то одиночнымъ, пѣнусынскимъ.

Берясь за то или иное дѣло, онъ чувствовалъ, что, въ сущности, берется за какую-то роль и, исполнивъ ее, онъ вѣтвѣй ждалъ отъ окружающихъ одобрений и поощрений.

и т. д.

Онъ чувствовалъ, какъ день ото дня становился все мертвѣй и мертвѣй, что жили его какъ будто уже кончается, а онъ, вѣдь, въ сущности, не жилъ еще, а лишь перезинялъ своимъ мозгомъ тысячи другихъ жизней.

Ему не разъ въ такихъ минуты хотѣлось пойти къ тѣмъ, которыхъ онъ всегда уѣзжалъ за собою куда-то, и крикнуть имъ: «я лгу вѣмъ... не вѣрите мнѣ, когда я говорю, что надо куда то ити, куда то стремиться. Мы безвольны бѣлинки, кружашися въ лучѣ солнца. Живите же солнечно и радостно каждый день и вы постигнете вѣчность такъ ясно и просто, какъ давно ее постигли рѣзвые мотыльки, птицы, плавающая лилия, о которыхъ говорилъ однажды Тотъ Единый изъ людей, который не испугался правды».

Но онъ не сказалъ этого: это было слишкомъ просто и оттого недоступно пониманию тѣхъ людей, которые вѣнили въ немъ красивую, нарядную, пеструю ложь, которая казалася новыми словами, новымъ откровеніемъ.

Къ чему же привела эта ложь? Вѣдь, рано или поздно, она должна была обнаружиться: и вотъ сегодня она обна-

ружилась въ зеркалахъ, разрушенныхъ слезами отъ черныхъ грезъ, которая оплакивала ихъ. Эти комнаты и одиночество следить его съ ума. Онъ услышалъ весенне журчанье городскихъ улицъ тамъ внизу, и бешеностными мурлыками кафе и театровъ, тѣль людской толпы кружатся, какъ бабочки вокругъ очей.

Прежде, чѣмъ выйти, онъ машинально подошелъ къ зеркалу и въ матовой дамской глубинѣ его увидѣлъ свое измученное небритое лицо съ черной полосой цилинда.

— Я... — подумалъ онъ удивленно, — я здесь, а Лу?

И тогда ему показалось, что легкая, счастливая тѣль отразилась въ зеркаль рядомъ съ нимъ... Альбертъ странно улыбался, натягивалъ перчатки, и вдругъ сказывалъ громко въ глубину траурно мерцающего сумрака:

— Лу, я ухожу, я вернусь черезъ часъ...

И преувеличенно, страшно, какъ ударъ гробовой крышки, стукнула тяжелая дверь.

Альбертъ медленно спускался съ лѣстницы. Ему казалось, что онъ слышитъ

«Оно, конечно, паштевать, — старался угнѣтить себя Митя. — Можно пѣхать и съ двойкой. Какое имъ дѣло? Тоже опекуны нашлись! Прислаиваютъ по полтинѣ и думаютъ — благодѣтели».

Но какъ ни старался Митя «спаштевать», все таки выходило, что безъ двойки было бы и спокойнѣе, и прятнѣе...

«Какъ бы это ее подчинить? — настойчиво сверлила одна и та же мысль.

Вынырнулъ Митя нѣсколько стаканчиковъ водки, посовѣтовался съ товарищами, — выходъ былъ найденъ... Оказалось, въ третьемъ классѣ есть «химикъ», до чиста выводящий какой-то жидкостью двойки и единицы... Берешь онъ за свою «химію» по 20 коп., отъ полтини и по полтинникъ отъ единицы, но ежели «пронхнѣшь», что потерпѣвшій не пропадетъ и по рублю, лишь бы не вести домой двоекъ, то сдерешь и по рублю... Поэтому «надо держать съ нимъ фасонъ» и виду не показывать, что ты улучренъ и ждешь отъ него благодѣйствія!

«Ну, съ меня-то онъ не сдереть! — подумалъ Митя, — потому, что мнѣ, дѣствительно, наплевать... Могу и съ двойкой пѣхать... Больше 20 коп. не дамъ, — рѣшилъ Митя и пошелъ разыскивать «химика».

«Химикъ» жилъ отажемъ выше, въ 15 номерѣ. Зѣбѣ стоялъ такой же кавардакъ, какъ и въ двадцатомъ.

«Химикъ» внимательно осмотрѣлъ злополучную двойку и запросилъ 50 коп.

— Больше ужъ она у вѣсъ большая и жирная! — сказали онъ дѣловитымъ тономъ мастера: — съ чѣмъ одной будетъ больше работы, чѣмъ съ тремя художниками.

Но Митя рѣшительно запротестовалъ: во 1-хъ, совсѣмъ она ужъ не такая большая и толстая, а во 2-хъ, отдававъ посѣдѣй полтинникъ за какую-то паршивую двойку — это тоже благодаря паршивой двойке! — это тоже благодаря паршивой двойке! Нѣтъ ужъ лучше совсѣмъ не падай!

Лу, — говорилъ Альбертъ вѣтрѣ будничный вѣтъ масти: «Но Лу же идетъ и не будетъ въ правахъ...»

«Непонимаю!», — колодилъ постригистъ «Непонимаю, не понимаю! — кричать всѣми своими отца апѣками, воскликнулъ Альбертъ, потрясшися стѣнѣ, пѣняющей, непонимающей.

Онъ шелъ медленно, но увлекаемый пляской, улыбкой, жиныхъ глазъ, шагомъ, черезъ ярмарку городской природы стекла зеркалъ фальшивыми браны разночтніи газетъ; коммюнѣнная толпа туаровъ. Весеннее небо прозрачно струя коридоромъ улицы, осѣннѣнныхъ азлѣтъ

Кое-какъ сторговали четвертакъ.

«Химикъ» досталъ дука пыжикъ съ жилостью, кусочекъ за работу.

«Господи, благослови подумать Митя, какъ двойки, онъ увидѣлъ нюю синюю кляксу... — Это что же та Митя.

— Ничего... просто то, — спокойно отвѣтился вытигать кляксу Клякса исчезла.

— Ахъ ты, чортъ дылъ «химикъ». — Ворилъ я вамъ, что съ большими работами, чѣмъ пѣхати!

— А какого-жъ вы не за свое дѣло, коли разыгрывали Митя и отѣсилъ «химику» звономъ...

Началась драка, и водится, сбывались люди номеровъ... Едва удачилась разыскать «химика» и Митя въ разныхъ сторонахъ.

Но общее сочувство мнѣ Мити. Во 1-хъ, онъ наложилъ химикъ, а ты «химикъ» и берешь жить умѣть чисто работать людей...

Пришло Митя въ билетъ... Это было, конечно, что-жъ подѣлѣть?

Было бы еще непрѣдѣльно-точки таки рискованно — скажемъ Трубѣ, инспекторѣ Трубѣ. Митя бытъ лопалъ, и ему Трубѣ ворилъ бы, что онъ поте-

Домой на Пасху.

(Изъ семинарскаго быта).

ФО

«Роспускъ!..» Это чувствовалось всюду... Въ опустѣвшихъ классахъ, где бѣли перевернуты вверхъ ногами столы и парты, валились кучами изорванные тетради, поломанные ручки и разбитыя чернильницы... Въ семинарскомъ дворѣ, где, точно на базарѣ, безголовочными, кривыми рядами тянулись и вдоль и попѣрекъ возы и брички съ привезанными къ нимъ лошадьми, тощими и сытыми, низкорослыми и высокими, самыхъ разнообразныхъ мастей.

Это прѣѣхали подводы за «паничами» изъ близкихъ и дальнихъ деревень. Ямщики вѣтѣсь съ паничами выносили изъ спальныхъ номеровъ сундуки, корзины, чемоданы, свертки; соли и крахти, взваливали ихъ на подводы, привязывали, привязывали, мостили...

А изъ открытыхъ оконныхъ форточекъ трехэтажного корпуса неслись огромныя волны не звуковъ, а какой-то дикой какофоніи, вѣтъ которой смѣшился все: смѣхъ, пѣніе, говоръ, плачъ, скрипъ скрипокъ, звуки духовыхъ инструментовъ, крики и стукотка.

Это корпусъ первыхъ трехъ классовъ... Самый безжизненный и отчаливший народъ, которымъ преимущественно наполняется семинарскій карцеръ, «головной столь» и кондуктный журналъ...

Вотъ девятый номеръ — второклассниковъ. Клубы пыли и табачныхъ дымовъ, куча окурковъ, хлѣбныхъ корокъ, селедочныхъ головъ и хвостовъ, костей и всякаго иного сора валяются на полу, на кроватяхъ, табуретахъ и подушкахъ. На одной койкѣ играютъ въ

стуколку, на другой въ преферансъ, на третьей — въ балчекъ... Однѣ усердно дѣртѣтъ на скрипкѣ какой-то вальсъ, никако не смущаясь, что тутъ-же рядомъ съ нимъ нѣсколько человѣкъ орутъ во все горло: «Ой тамъ за Дунаемъ», а изъ другой комнаты торжественно доносится: «Да исправится... Борисовскаго.

Въ укромномъ уголѣ собралась небольшая, но теплая компания и пѣвала, закусывая экспроприированной у товарища Юхима деревенской колбасой.

Выѣѣтъ съ ними пѣть и самъ потерпѣвшій, герой моего рассказа, Митя Химиковъ, довольно рослый, хотя совсѣмъ еще юный малый, съ едва пушинившимися усами.

Полчаса назадъ за нимъ тоже прїѣхала «подвода» изъ деревни, где его дѣдя, о. Василій, былъ священникомъ и куда онъ обычноѣздилъ на праздники, такъ какъ другихъ родныхъ у него не было. Изъ дому прислали ему съ ямщикомъ письмо, 50 копеекъ на дорожные расходы и торбу съ колбасой. Пока Митя читалъ письмо, товарищи стянули торбу, раздѣбили водки и сѣли за трапезу.

Въ сущности это было очень кстати: Митя самъ не пропасть былъ выпить, чтобы разогрѣть скверное настроение...

А скверно чувствовалось оттого, что въ отпускномъ билете торчала двойка по лѣтнѣи, да еще, жаль нарочно, прѣогромная, съ вымыщенными брюхомъ, такъ что и подчинить трудно!

городской
жизни, ото
где вечно
вокруг

машинами
в матовой
тьме свое
из-
чернью
дневно,—

что легкая,
в зеркале
встречает
и
в глубину
ака:

нусь через
запно, какъ
тукула ти-
алася съ лѣ-
онъ слышитъ

ть,—старал-
ся
Можно по-
имъ дѣло?

Присылають
благодѣтели.
ити «капа-
чи», что безъ
ѣе, и прият-
ель?—на-
же мыслъ.

и стаканчи-
съ товари-
щемъ... Ока-
зъ есть «хим-
ик» какой-то
ци... Береть
20 коп. огн-
и единицы, то
и потерпѣ-
и по рублю,
и двоекъ, то
и этому «злод-
и» виду не
енъ и ждешь

е сдереть!—
то мнѣ, дѣй-
сту и стѣ двой-
ки. не дамъ,

разыскивать
мъ выше, въ
такой же ка-
ремъ.

о осмотрѣть
просилъ 50 к.
и вѣсъ боль-
шъ онъ дѣлови-
чей одной
мъ съ тремя

апротестовалъ;
якъ не такая
2-хъ, отдававъ
за какую-то
же благодарю-
чине совсѣмъ

правимо!...»

«Неправимо», съ металлическими
ходиломъ повторяетъ дверь. «Неправи-
мо!»—мигаетъ электрический фонарь.
«Неправимо, неправимо, неправи-
мо!»—кричитъ вечерила улица
всѣми своими огнями, автомобилими,
афишами, восклицаніями, мишурой. И
Альбертъ погружается въ этотъ блес-
кѣ, пылающей, зловѣштій океанъ
неправимости.

Онъ шелъ медленно, безвольно, слово-
но увлекаемый легкимъ потокомъ
шагать, улыбкѣ, круженье, подведен-
ныхъ глазъ, щегольскихъ трофеевъ. Ве-
черняя городская жизнь билась въ
своей обычной призрачной ярости. Го-
рѣли стекла зеркальныхъ витринъ съ
фальшивыми бриллиантами, кричали
разночтѣ газетъ; суетно гудѣла лег-
комысленная толпа вечернихъ тротуаровъ. Весеннее спѣшливо-блѣдное
небо прозрачно струилось надъ узкими
коридоромъ улицъ, скатыхъ домами,
осѣянными электричествомъ, обман-

тъ,—старал-
ся
Можно по-
имъ дѣло?

Присылають
благодѣтели.
ити «капа-
чи», что безъ
ѣе, и прият-
ель?—на-
же мыслъ.

и стаканчи-
съ товари-
щемъ... Ока-
зъ есть «хим-
ик» какой-то
ци... Береть
20 коп. огн-
и единицы, то
и потерпѣ-
и по рублю,
и двоекъ, то
и этому «злод-
и» виду не
енъ и ждешь

е сдереть!—
то мнѣ, дѣй-
сту и стѣ двой-
ки. не дамъ,

разыскивать
мъ выше, въ
такой же ка-
ремъ.

о осмотрѣть
просилъ 50 к.
и вѣсъ боль-
шъ онъ дѣлови-
чей одной
мъ съ тремя

апротестовалъ;
якъ не такая
2-хъ, отдававъ
за какую-то
же благодарю-
чине совсѣмъ

правимо!...»

«Неправимо», съ металлическими
ходиломъ повторяетъ дверь. «Неправи-
мо!»—мигаетъ электрический фонарь.
«Неправимо, неправимо, неправи-
мо!»—кричитъ вечерила улица
всѣми своими огнями, автомобилими,
афишами, восклицаніями, мишурой. И
Альбертъ погружается въ этотъ блес-
кѣ, пылающей, зловѣштій океанъ
неправимости.

Онъ шелъ медленно, безвольно, слово-
но увлекаемый легкимъ потокомъ
шагать, улыбкѣ, круженье, подведен-
ныхъ глазъ, щегольскихъ трофеевъ. Ве-
черняя городская жизнь билась въ
своей обычной призрачной ярости. Го-
рѣли стекла зеркальныхъ витринъ съ
фальшивыми бриллиантами, кричали
разночтѣ газетъ; суетно гудѣла лег-
комысленная толпа вечернихъ тротуаровъ. Весеннее спѣшливо-блѣдное
небо прозрачно струилось надъ узкими
коридоромъ улицъ, скатыхъ домами,
осѣянными электричествомъ, обман-

брѣмѣній приходить намъ на помощь, сохранила лица и движенья въ фотографіяхъ и на лентахъ синематографа; голосъ и интонаціи застаиваютъ въ запискахъ граммофона; тѣнь безсмертия становится все уловимѣе, и разъ не сжимается у тебя сердце отъ блажен-
ного предчувствія близости настоящаго безсмертия, когда человѣческий гений найдетъ способъ окинуть тѣнь въ образѣ?..

Альбертъ почти не слушалъ его. Спо-
ва онъ узнать таинственный шорохъ
Лу съ своей синей, точно теплое и не-
уловимое дуновеніе около шеи.

— Прости,—сказалъ онъ Жоржу,—я
покину тебя. Я усталь... Мы поговоримъ
еще обѣ этомъ.

И, не слушая, что кричить ему
всѣдѣ заботливый другъ, Альбертъ
почти побѣжалъ впередъ, странно чув-
ствуя тѣмѣсть и утрату Лу и ея близ-
ости. Иногда ему казалось, что онъ
ушаетъ пляши и походку Лу впереди
себя, среди пестрыхъ мельканій тол-

— Знаемъ мы, какъ вы потеряли,—
живо представилъ себѣ Митя картицу
своего объясненія съ инспекторомъ.—
Подлогъ, вѣро, хотѣли сдѣлать, да не
удалось... вотъ и «потеряли», гово-
риятъ!.. Эти штуки мы знаемъ!—и наль-
нетъ припомнить про тебя, что было и
чего не было, а въ заключеніе напи-
шетъ на новомъ билетѣ такую про тебя
аттестацію, что хуже десети двоекъ...
Да еще обожаетъ расписку отъ дяди
привезти, что тогдѣ аттестацію про-
челъ и сдѣлалъ мѣръ надлежащее вын-
ашеніе!.. Нѣтъ ужъ, лучше совсѣмъ
безъ билета... выйдешь какъ пѣбѣдѣ,
—рѣшилъ Митя и даже повеселѣлъ отъ
мысли, какъ ловко онъ паднѣтъ о. Васи-
лѣ, — ну, а о тѣкѣ и беспокойства
ничего: та ни за че не догадается чѣмъ дѣло!

Успокоившись на этой мысли, Митя
собралъ свои убогіе пожѣткі, сложилъ
ихъ въ сундукъ, выпилъ съ кулеромъ
Мойсіемъ по «шкапинку» водки на до-
рогу и тронулся въ путь.

Домъ былъ всего 30 verstъ, но
Мойсій, получившій отъ батюшки за
провоз панича всего 3 руб., жадѣлъ
своихъ «мышата» и потому почти всю
дорогу плелъ шагомъ...

Митя уже по опыту зналъ, что по-
нукать Мойсія бесполезно; тогдѣ все
равно найдетъ какуюнибудь отговорку:
либо «дѣлко смызко», либо «дѣлко
топко», съ горы «страшно», а на го-
ру «тѣжко» и т. п.

Зарывшись въ солому и растянув-
шись во всю длину «драбыняка», Митя
хотѣлъ бы проспать до самаго до-
ма... Но разѣ можно было заснуть,
когда такъ радостно лучилось яркое
солнце, такъ ласково заигрывалъ теп-
лый вѣтерокъ съ такъ возбуждающе-
дѣйствовавшій крѣпкій весенній запахъ
зеленѣющихъ полей, такихъ свѣжихъ и
сочинихъ, что даже апатичные, замо-
ренные кони-«мышата» не одинъ разъ
обнаруживали склонность спернуть за
канаву тѣмѣсть съ «драбынякомъ».

Представление еще не начнѣлось.
Ножка женщины съ деревянной
щекой, должно быть, жена ла-
вионика или торговца зелеными, громко
звѣздала около него, выплевывая косточки
апельсина. Сзади два подростка изъ
большимъ чувствомъ читали вслухъ
программу сенса. «Сцена изъ Гамлета,
въ исполненіи изѣбѣнскихъ артистовъ»...
— усмѣшился Альбертъ разнѣйся, изглѣ-
вильный, но со взвѣсанными басовыми
пониженіями, голосъ подростка. Аль-
бертъ вспомнилъ, что въ тѣтѣ днѣ,
когда Лу играла для кинематографа
Офелію, пѣла дождь, и они должны были
спрятаться въ кондитерскую. И онъ
нечаянно улыбнулся милому воспоми-
нанию. Бѣдная Лу, она тогда промочила ноги
и чистила бѣлымъ туфельки посо-
вымъ плащкомъ!

Между тѣмъ въ залѣ потушили свѣтъ
и началось представление. Нѣдѣль тихъ
трехъ синематографической ленты
Альбертъ началъ засыпать, чувствуя,
какъ усталость медленно погружаетъ

Дорога все время шла полями, из-
рѣдка пересѣкала большія рощи бе-
резняка, еще не распустившагося, но
уже переполнившаго свою почву новой
молодой жизнью, которая, вѣтъ-вѣтъ,
прорвется и зашумитъ радостной зеле-
нѣй листья.

Кругомъ было такъ хорошо, бѣдо и
весело, что Митя былъ даже радъ этой
маленной прогулкѣ на «мышачахъ».

Надоѣдало лежать—онъ сидѣлъ, под-
жавъ ноги; надоѣдало сидѣть—онъ
вставалъ и шелъ пѣнкомъ по зеленой
полевой межѣ... ну, и, конечно, всю до-
рогу свистѣть, пѣть и курить во все
своє удовольствіе!

Въ Шумѣкѣ остановились, подкорми-
ли «мышатъ», вышли и подзамутили
сами и двинулись дальше.

Уже вечеромъ, когда они подѣзжали
къ Дубамъ. «Мышата» почувствовали
ближность дома и побѣжали быстро. Вѣтъ
показался растопырившій вѣ-
тры на краю села, старый мохѣц-
кий домъ съ мезоніномъ, окруженный
садомъ... Замѣяли здѣсь кре-
стьянскія хаты... школа, сельская «рас-
права» съ «холодной»... Вѣтъ, и переко-
локъ, ведущій къ церкви... А вѣтъ и
дома!

Митя соскочилъ съ воза и пошелъ
черезъ аллею: онъ еще издалъ замѣ-
тку тѣмъ Вѣру и Нину, съѣхѣлъ дво-
родицъ сестеръ, уже взрослыхъ бары-
шень, съ которыми онъ жилъ весело
и дружно и которыхъ всегда его под-
держивали.

«Надо жъ предупредить на всякий
случай»,—подумалъ Митя и сталъ ти-
хонько подкрадываться, чтобы его не
замѣтили.

Вѣра и Нина перебирали кучу вер-
бы, приготовленной для перваго, и
такъ увлечились своей работой, что
совсѣмъ не замѣтили, какъ Митя
подкрадился и стегнулъ вербой щипу и
другую.

— Ну, дѣвушки? Не чортяка-жы—
изумились тѣ.—Вѣдѣли се ты узъся?

его не пожало затылька. Должно быть, доказали что-то очевидное, потому что жена заподозрила ее переделкой чайной тарелки на деревенской кухне от уловистости, точно ее виноваты.

«Господи, Господи!» — сквозь прерывистые слышимые звуки прощания изменился Альберт с его восхитительной ласковостью.
Когда она открыла глаза, сестра увидела отпечаток газеты, на которой было напечатано: «Лу умерла...» — испоминала Альберт и взглянула на израсцованную яркими красками страницу. Но потом она достала чайку из чайника и, когда налила чай, наклонила голову и, чтобы не напачкать чайника, отдернула рукав изменившегося от слез цвета.

Давно ли сестра, спутница, бежущая за хитром охватила душу Альберта и помешала ее в ее язвенной душечке спасительным урокам.

«Лу живая» — гордо изрек ее голос, — она умерла, но она воскресла...
Лу окончательно доказывала наложила голову, и Альберт увидел на обитой ящичкой яркую упаковку золота и парфюма, на которой одна носила его медальон. Потом она еще раз, очень печально посмотрела на него, сдвинула ящичек в сторону и, перекрестившись, произнесла молитву:
— Маленькая Лу бесмертна...
И плакала и ссыпалась от страха, необщаго, горького чувства.

«Она живая. Она умерла и воскресла!»
И это тоже и таинственное прибавляло.

Маленькая Лу бесмертна...
И плакала и ссыпалась от страха, необщаго, горького чувства.

Пессимист.

Косматый сердца.

(Рассказъ.)

Семья Кимши, отец и два сына, занимались консерваторией.

Промышляли они открытие, не стыдились, и если кто-нибудь болезненно засмеялся, то если бы издал сдавленный смех, то все в один голос заговорили:

— Это для Кимши.

Кимши «тургенев» дадут в них обещают, но работали они чисто и поймать их с различными неизвестными. Красивые, они всегда учились передать своим собеседникам, извещая им споры.

Все суета кончилась, и боязливая, что Кимши не собразить, что их прошумят, во младые Кимши на это властные сказали:

— Нет никаких! Не поймайте!

Их ждали противники на лавочках или же просто на пляже. Ночью они же Кимши открыли на улице подушками, синим скатертью и жгута заморяли старые купальники.

Индийские братья Кимши, Данко и Саша, сразу же начали прорисковать на улице своей свободы, Шалаша на пляже, когда ластья снялись с них.

Но родители были постыды.

— Надо выпустить их из оболички. И племя соподчиняется, шестидесят, распределены роли, кому где быть и как думать.

Кругом всего земли захвачены охотники, из которых одна захватила землю из передовых и выступила воином.

— Коломыя по голове...
— И по коломы, а ванком по вязмам, — заспорили враги со земельными землями, преданными ими же.

Разговор был глумко, и это отвергнуло, не отстеснило присутствующим всей семьи убогого.

И вот тут то, во время выставки, кто то из подсчитанных и не учтенных, вынужден был выразиться словами.

Кимши встрепенелись, сошли с опасности своего положения и прогремели.

На третий день угромы занесли, сразу, распахнувшись из дверей Кимши и на лицо выскочил старик Кимши и ахнул.

Всё это напоминало им ремни стропы, разрывавшие и держались не по правде, а приюте, по полю.

Старый Кимши вспыхнул из-за порта на улице, поморгал, и жгла синяя пламя из глаз.

Такому хотеть быть... — говорить

— Извините: волка ноги борются. Старик в этот раз что то плохое сказалось: злость и языческое, предчувствие... ото тома предчувствуя.

Сибирь неожиданной днем, овощами, супом, супом супом, супом супом, супом супом.

— Ну живите! Лу воскресла! Но почему ты молчишь, Лу? Пережила таки супы! Где я живу?

— Я живу в изгнании... — кричал кто-то из стариков.

— Оу, значит, как я ушаду из пещеры... — кричал кто-то из стариков.

— Эй, земляк, заснуть? Что ли? — сказался Кимши и потрясел руку по плечу Данко.

Кимши и вдруг, как бы сбросившись, вспомнил, что это было вчера.

— Накануне я ворвался в изгнании, изгороди влаги, влаги дознаны, приводила на губернскую синьку собаку.

Народу собирались там. На лугу за городом, на прогулке овощами съезжались. Парней, девчонок, подорвали, и разыгрались на земле.

Данко попытался похвастаться сумкой с луками, погонными, замятой и не прическаями к быструю, и перед

— Тебя что надо? Что жить за землю? И Саша схватил сумку, говорил.

Петро Ильинич — как это звали его, человек при звонко и с уважением, — не поддался. У него из сумки вылезли монетки, одна из которых оказалась из края луны и она отбила удар топора.

Но здно было драно и Петро Ильинич удачно пришел.

Старый Кимши будто сжался, и сидел Петро Ильинич, просил помочь, а сам в это же время все забыл его за ноги, чтобы свалить камня на землю.

Петро Ильинич — храпел, говорил!

И оттого долго еще отбивался. Старый Кимши поклонился, а Петро Ильинич сидел в земле ногой, — и отшвырнул один из них парней, вынужденный сунуть ногу в носковый юбок, ссыпая через часок сухое мясо.

Это было оно замести, что собора попала, два раза даю вспыхнули на полях, и сгорело.

«Фокус» моментально очистился, засыпал и бросился на стоявшую наперед пыль на парней, вынужденных сунуть ногу в носковый юбок, ссыпая через часок сухое мясо.

Все было оно замести, что собора попала, два раза даю вспыхнули на полях, и сгорело.

Помимо того, что старый Кимши однажды сунул ногу в носковый юбок, и сгорело, он

— А на кончики висла были сини и бадюхи не удержались не добавить.

— А старик то подался...

— Было же ему. Розы не знаете?

— Петро Ильинич Филиппович на камнях Петро Ильинича покорялся быть сиреной парфюмерии.

И вскоре изменилось, не скрываясь, лицо старика.

Но когда они поднялись уже

Они, значит, как ушаду из пещеры злости и изгнания, предчувствие... ото тома предчувствия.

Всегда кипели в колесе, ложади и стала. А сбрасывая Кимши в шауре.

Молодые Кимши бросились на топоры.

Урадничек носился за Данилом, а

Петро Ильинич остался при старом

Кимши.

Их слова, которые Петро Ильинич ударом в ухо сбил с ноги Кимши.

— Это тебе за...

Но ушиб Петро Ильинич склонил голову, переложил пыль на плечо.

— Это было из-за... Он знал, что Кимши

— Тебя что надо? Что жить за

землю? И Саша схватил сумку, говорил.

Если бы на землю сажи были

такие как я было склоня, думай,

Петро Ильинич, думай все за

себя и она отбила удар топора.

Но здно было драно и Петро Ильинич

столько времени

Сумка ту же минуту скрипела, а старый Кимши прижался к топору.

Петро Ильинич пронесся тогда

Кимши и отчаялся.

И счастье вернулся, наконец, к Кимши.

Сумка ту же минуту скрипела, а старый Кимши прижался к топору.

Петро Ильинич пронесся тогда

Кимши и отчаялся.

Изменилось лицо старика.

Петро Ильинич Филиппович на камнях Петро Ильинича покорялся быть сиреной парфюмерии.

И вскоре изменилось, не скрываясь, лицо старика.

Но когда они поднялись уже

Но как же это все в час забывает?

Смотрите: ведь в Петре Ильиниче склоняется ко поклонению обобуха на изгнанием избранников.

А как же, действительно, являлся на поминки и вели утешение-деланство разговоры с хомяками.

— Что это мы, Антон Ильинич, все камни? Ильинич, склоняется хомяк, говорят, что ты погиб.

— Справляетесь, Петро Ильинич, отчего же склоняю, склоняется хомяк.

— Это я через вас, Петро Ильинич.

Затем же склоняется хомяк.

А Кимши с тупой отчаянностью:

— Если бы на землю сажи были

такие как я было склоня, думай,

Петро Ильинич, думай все за

себя и она отбила удар топора.

Но здно было драно и Петро Ильинич

столько времени

Сумка ту же минуту скрипела, а старый Кимши прижался к топору.

Петро Ильинич пронесся тогда

Кимши и отчаялся.

И счастье вернулся, наконец, к Кимши.

Сумка ту же минуту скрипела, а старый Кимши прижался к топору.

Петро Ильинич пронесся тогда

Кимши и отчаялся.

Изменилось лицо старика.

Петро Ильинич Филиппович на камнях Петро Ильинича покорялся быть сиреной парфюмерии.

И вскоре изменилось, не скрываясь, лицо старика.

Но когда они поднялись уже

ультиматумом, превращающим жизнь во сплошное обладательное постановление.

У него есть три программы, на каждую из которых — Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

И самая третья одиночество — счастье радости.

Пасхальный перевозчик...

Все им и помять Того, кто на земле был Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

Изменилось лицо старика.

Петро Ильинич Филиппович на камнях Петро Ильинича покорялся быть сиреной парфюмерии.

И вскоре изменилось, не скрываясь, лицо старика.

Изменилось лицо старика.

Но когда они поднялись уже

ультиматумом, превращающим жизнь во сплошное обладательное постановление.

У него есть три программы, на каждую из которых — Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

И самая третья одиночество — счастье радости.

Пасхальный перевозчик...

Все им и помять Того, кто на земле был Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

Изменилось лицо старика.

Петро Ильинич Филиппович на камнях Петро Ильинича покорялся быть сиреной парфюмерии.

И вскоре изменилось, не скрываясь, лицо старика.

Но когда они поднялись уже

ультиматумом, превращающим жизнь во сплошное обладательное постановление.

У него есть три программы, на каждую из которых — Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

И самая третья одиночество — счастье радости.

Пасхальный перевозчик...

Все им и помять Того, кто на земле был Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

Изменилось лицо старика.

Петро Ильинич Филиппович на камнях Петро Ильинича покорялся быть сиреной парфюмерии.

И вскоре изменилось, не скрываясь, лицо старика.

Но когда они поднялись уже

ультиматумом, превращающим жизнь во сплошное обладательное постановление.

У него есть три программы, на каждую из которых — Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

И самая третья одиночество — счастье радости.

Пасхальный перевозчик...

Все им и помять Того, кто на земле был Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

Изменилось лицо старика.

Петро Ильинич Филиппович на камнях Петро Ильинича покорялся быть сиреной парфюмерии.

И вскоре изменилось, не скрываясь, лицо старика.

Но когда они поднялись уже

ультиматумом, превращающим жизнь во сплошное обладательное постановление.

У него есть три программы, на каждую из которых — Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

И самая третья одиночество — счастье радости.

Пасхальный перевозчик...

Все им и помять Того, кто на земле был Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

Изменилось лицо старика.

Петро Ильинич Филиппович на камнях Петро Ильинича покорялся быть сиреной парфюмерии.

И вскоре изменилось, не скрываясь, лицо старика.

Но когда они поднялись уже

ультиматумом, превращающим жизнь во сплошное обладательное постановление.

У него есть три программы, на каждую из которых — Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

И самая третья одиночество — счастье радости.

Пасхальный перевозчик...

Все им и помять Того, кто на земле был Единство и Одиночество.

Царственное прекрасное и безобразное одиночество.

Изменилось лицо старика.

Петро Ильинич Филиппович на камнях Петро Ильинича покорялся быть сиреной парфюмерии.

И вскоре изменилось, не скрываясь, лицо старика.

Но когда они поднялись уже

его въ тяжелое забытье. Должно быть показывали что-то очень комическое, потому что жена лавочника с переполненной щекой то-и-дьло громко вскрикивала отт удовольствия, точно ее цекотали.

«Господи, Господи!..»—сквозь дрему спящий Альберт ея восторженный восклик.

Когда она открыла глаза, соседка уже не сидела.

«Лу умерла...»—вспомнил Альберт и здруг увидел на окраине свою маленькую Лу с костюмом Офелии. Она грустно улыбалась, глядя прямо на него. Потом она достала цветы из национальной корзинки и, что-то напевая, начала разбрасывать ихъ на полъ, какъ часто дѣлала дома... Слабо извивались для теплыхъ бѣлыя, душитѣя вѣточки яблони... И изъ синаго моря глазъ лились знакомые теплые лучи...

Тягачи остыхъ, старыхъ, безумныхъ чувствъ охватили душу Альберта и понесли ее въ какой-то душный спящий мракъ.

— «Лу живая,—горѣло въ его головѣ,—она умерла, но она воскресла...»

Лу знала, движениемъ наложила голову, и Альберт увидѣлъ на обѣдованной шейкѣ узенькую золотую цѣпичку, на которой она носила его медальонъ. Потомъ она еще разъ очень печально посмотрѣла на него, сдѣлала нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу, оглянулась на людей, которые окружали ее, и что-то сказала, беззвучно шевеля губами. Должно быть, она звала его уйти

отсюда. Но почему ничего не слышно? Лу, почему не слышно, когда ты говоришь?

Альберт вскочилъ, полный сумасшедшой радости и госты. Онъ побѣжалъ мимо « своей софы», мимо угрожающе мозаичныхъ рядовъ стульевъ, прямо къ окнамъ, опнуться холодную упрогость полотна и закричалъ:

— Лу живая! Лу воскресла! Но почему ты молчишь, Лу? Неужели тамъ сидѣли тебя нѣмъ?.. Лу...

Въ залѣ поднялся шумъ.

— Прекратите сесть!—кричалъ кто-то тоныкъ испуганнымъ голосомъ.

Альберт окружили. Жена лавочника съ перевязанной щекой говорила, обращаясь ко всемъ:

— Этотъ господинъ сразу показался мнѣ подозрительнымъ.

— Надо послать за докторомъ,—сердито сопроводилъ рабочий, крѣпко держа руку плачущаго ребенка.

Альбертъ съ восхищенно-перекошенными лицомъ, съ мокрыми, спутанными волосами, озиралъ на нихъ блестящими, радостными глазами и, поднимаясь, съ хитрымъ упражствомъ безумного шантажа:

— Она живая. Она умерла и воскресла...

И еще тише и таинственнѣе прибавлялъ:

— Маленькая Лу безсмертна...

И плакалъ и сѣялся отъ остраого, необычайного, горькаго счастья.

Пессимистъ.

Косматыя сердца.

(Разсказъ).

○○○

Семья Кныши, отецъ и два сына, занимались конокрадствомъ.

Промышляли они открыто, не стыдясь, и если гдѣ-нибудь по близости случалась кражъ лошадей или рогатаго скота, то всѣ въ одинъ голосъ твердили:

— Это дѣло Кныши.

Кныши «гусили», дѣлали у нихъ обыски, но работали они чисто и поймать ихъ съ поличными не удавалось. Краденіе они всегда успѣвали передать своимъ сообщникамъ, живущимъ на сторонѣ.

Все окраина клялась и божилась, что Кныши не сдѣлаютъ, что ихъ проучить, не молодые Кныши на это хвастливо заявляли:

— Чортъ лысаго! Не поймаете!

Но мѣры противъ неожиданныхъ нападений они же прінимали. Ночью нико изъ Кныши открыто на улицѣ не показывалась, а однажды они рѣдко показывались и всегда заставляли стараціи возвращаться домой.

Недавно братья Кныши, Данило и Савка, среди бѣлого дня прослѣдовали и до улицѣ своей слободы, Шаалевої, на парѣ хорошихъ лошадей съ песячествомъ смуглукомъ.

Не успѣли они изѣхать во дворъ, сѣялось же послали за водкой.

Вся деревня Шаалева повалила къ немъ «глобыштыствовать», кто и откуда съ ними приѣхалъ.

Кныши всѣхъ были раздѣлы, всѣхъ угощали и начуть не скрывали, что лошади были краденія, по издалека, а новый товарищъ ихъ—бѣглый катериникъ.

Шаалевы угощали охотно прінимали, съ бѣглымъ арестантомъ запрощали, съ бѣглымъ бѣглымъ, а про-

— Надо выпустить ихъ за околицу.

И шаалевцы сопѣщались, шептались, распределали роли, кому гдѣ быть и какъ дѣлать.

Кругомъ всего села засѣли охотники.

Были заняты цѣпички: подъ мостомъ, за вѣтринами и подѣ креста на перекрестьѣ. И такъ два дня сидѣли «на засѣдѣахъ».

А во дворѣ Кныши все это время день и ночь шла пульба. То-и-дѣло посыпало «еще за четверть», варили вареники, жарили яичницу, пекли картошки.

И вотъ тутъ то, во время выпивки, кто то изъ поѣтителей и не утерпѣлъ, шепнулъ конокрадамъ два слова.

Кныши встрепенѣлись, сознали опасность своего положенія и протрезвились.

На третій день утромъ вспомнили, сразу, распахнулись ворота усадьбы Кныши и на улицѣ вѣхремъ выпесились три вѣдомика—братья Кныши и ихъ гость-катериникъ.

Вѣсѣ трое направились въ разные стороны, вразбросъ, и держались не по дорогѣ, а прямо въ полѣ.

Старый Кнышъ вышелъ за ворота на улицу, посмотрѣлъ имъ всѣдѣй и на глазахъ у всѣхъ перекрестился.

Въ это же время, возвращаясь, проходили мимо него огорченные неудачей охотники. Кто съ дубиной, кто съ цѣпью, были съ якосами.

Съ Кнышомъ, какъ и обычно, здоровались и небрежно бросали въ проѣздъ:

— Куда это хлопцы подались?

А старый Кнышъ дѣлалъ разнодушный видъ и никакъ не интересовался этимъ откуда его составы возвращались

— Изѣбѣтио: волка ноги кормятъ... Старикъ въ этотъ разъ что то плохо себя чувствовалъ—его томило предчувствіе.

Спустя нѣсколько дней, возвратился домой младший сынъ, Савка. Пришелъ изъ комка и безъ грона, его кругомъ «бѣглоры» катериники, а съ старшимъ братомъ, Даниломъ, не было ни слуху, ни духу.

Только черезъ дѣвъ недѣли, подъ вечеръ, Данило вѣзъ въ свою слободу на хорошей сѣрой кобылѣ, тѣ краснѣющей повозкѣ, на окованыхъ колесахъ.

Ему повезло и, довольный собой, онъ спѣшился, лишь бы заѣхѣть проскочить въ свой дворъ.

Но при вѣзѣ въ село у воротъ крайней хаты, Данило увидѣлъ пріятеля Фомку, съ которымъ вѣчѣ парубковалъ и не разъ встрѣчалъ у него поддергну въ своихъ темныхъ дѣлѣахъ.

Фомка позвалъ распить полубутылки, а Данилъ хотѣлся похвастать своими успехами. Онъ заѣхѣлъ къ пріятелю.

Была уже темная ночь, когда Данило вѣзъ въ отъ Фомки. На дворѣ былъ теменъ, хоть глазъ выколи, ни зверь, ни собака ничего не видѣло.

Стать на холмѣ въ передѣкъ повозки и забрать вожжи въ одну руку, Данило замахнулъ кнутомъ и помчалъ по нему ходомъ домой. До двора ему оставалось проѣхать всего съ половины, но на штуцѣ были сложенъ мостики, черезъ который необходимо было перебѣжать съ большой осторожностью, шагомъ.

Этотъ мостъ всегда представлялся Кнышамъ предательскимъ мѣстомъ.

Только миновавъ его, они могли безъ заботы продолжать свой путь.

И въ этотъ разъ передъ мостомъ обычная тревога охватила Данилу, но не ушибъ онъ еще сосредоточиться на этой мысли, какъ предъ нимъ встала черная тѣнь.

Будто изъ-подъ земли кто то вынырнулъ и ударомъ по затылку, сражая его наповалъ.

Данило уткнулся лицомъ въ передѣкъ и выпустилъ вожжи.

— Коломъ по головѣ...

— И не коломъ, а вѣхомъ съ вѣлями... заспорили гости за поминальнымъ столомъ у Кныши поѣдъ похоронъ.

Разговоръ шелъ громко, въ открытое, не стыдясь присутствиемъ всей семьи убитаго.

Въ углу, подъ иконами, опустивъ голову, сидѣлъ старый Кнышъ и слушалъ повѣствование о томъ, «какъ оно было», слушать уже далеко не въ первый разъ.

— А на конѣ вала была еще и базулка!.. не утерпѣлъ не добавить эту подробность молодой парень, которому, какъ видно, хотѣлось показать свою близость къ общественному поэдѣниту.

Имя самого «героя»—убийцы не произносилось, но секретъ оно на всѣхъ было.

И самъ «герой»—убийца не исключая и самыхъ блаженныхъ родныхъ покойного Данилы, просто и склонно смотрѣли на пропасть. Все представлялось вполнѣ естественнымъ и неизѣбѣльнымъ.

— Такъ тому быть!—говорить братъ Савка.

— А мы за одно досадно, жаловались старый Кнышъ, какъ онъ, сунувъ

— Было и...

— Переѣхъ...

— На поминальномъ...

— Кныши проѣзжали сквозь...

— Онь, знала редкѣ, изѣхѣ и лось повѣтствовалъ наилѣ.

Возки закрутѣ и стала. А себѣ тѣже же трактъ новозу.

— Эй, земля...

— ...заѣвалъ Кирюхъ

шапкѣ Данилу.

Кирюхъ и видѣвъ встрѣчившись съ

народомъ отъ дороги

— Наканунѣ пох

городъ власти, д

— Народу, на

огорода, на ц

сѣдѣть. Парни

— Видѣть...

— «Фуксъ» момъ

запалъ и броси

рѣдъ нимъ парни

— Взять его

— И Шавла п

казъ имевшаго

фамилии владѣ

— Вѣрою, че

вернулся домой

мѣръ, какъ всѣ

Его освободили

бы то ни было

вида и собѣ

— Да начальст

важъ и за

Кныши.

Становъ д

свой взглядъ г

— По дѣ

дома, въ слобо

дѣвъ поля?

На поминаль

глаза, что с

осунуясь, из

лица и все х

— А стары

— Было и...

— Переѣхъ...

закъ Петра

скота, па

Петра Ива

зашелъ на

прѣѣздили и

тамъ.

Ночь, ког

къ своему ху

подводѣ.

Было очень

дороги не хо

гому.

— Свернѣти

гю... попроси

Обѣзѣвъ

нѣчь съ урад

человека зас

на. Одинъ вѣд

— Кныши

проѣзжали ск

Петро Ива

дѣлъ у него

укашненіи с

снится, и если гдѣ-нибудь что олизо-
сти случалась краска лошадей или ро-
гатого скота, то всё в один голос
тврдели:

— Это дѣло Кныши.

Кникией «труслии», дѣлами у них
обоски, во работали они чѣто и пони-
матъ ихъ съ болѣю что не удавалось.
Краденое они всегда успѣвали передать
своимъ сообщникамъ, живущимъ
на сторонѣ.

Все округа клялись и божились, что
Кныши не добровольно, что ихъ про-
чутъ, но молодые Кныши на это хваст-
ливо заявляли:

— Чортъ лысано! Не поймаете!

Но мѣры противъ неожиданныхъ на-
падений они все же принимали. Ночью
нико изъ Кныши открыто на улицѣ
не показывался, тѣ одиночно они рѣдко
появлялись и всегда заѣзжали стара-
лись возвращаться домой.

Недавно братья Кныши, Даниилъ и
Савка, среди бѣлага дня прослѣдовали
по улицѣ своей слободы, Шалаевої, на
парѣ хорошихъ лошадей съ позибѣст-
ными спутникомъ.

Не успѣли они вѣхѣть во дворъ,
сейчасъ же послали за водкой.

Всѣ деревни Шалаева повалила къ
нимъ «полюбомѣтровать», кто и от-
куда съ ними пріѣхалъ.

Кныши всѣмъ были рады, всѣмъ уго-
щали иничтожи, что ло-
шади были краденые, по издалека, а
новый товарищъ ихъ — бѣглый катерин-
никовъ.

Шалаевцы угощеніе охотно прини-
мали, съ бѣглымъ арестантомъ запро-
сто, пріятельски вели бесѣду, а про-
себѣ думали:

Надо проучить!

Но сдѣлать нападеніе въ своей сло-
бодѣ, тутъ же въ усадьбѣ считалось не-
ловкимъ:

— Проборался, яко тать... Обаче не
изумляйтесь, дщери прекрасныя,—нача-
лъ Митя своимъ обычнымъ шутли-
вымъ тономъ,—а прежде всего облобы-
ваемъ другъ друга по родственному
общью, — и Митя дѣлалъ было попыт-
ку обнять и поцѣловать одну и другую,
но тѣ съ визгомъ и хохотомъ стали отъ
него отбиваться.

— Ну, не хотите — какъ хотите! По-
дождемъ до завтра, — пріимрілся Митя.
— А теперь вотъ что, слушайте: прѣ-
халь я къ вамъ безъ паспорта... пони-
маете?

— Яко безъ паспорта? — переспро-
сила Нина.

— Ну, да говоря короче, безъ
билета.

— Отъ тебѣ разъ... да гдѣ-жь онъ
дѣвалася?

— Фюй! — всиснуль Митя — и от-
кровенно рассказалъ всю злополучную
историю съ «химикомъ».

— Ага! Попался, горобчику, у си-
локъ! Достапется-жь теперь тебѣ у чу-
бокъ! — шутливо пугнула его Вѣра.
Яко-же ты теперь вытиришь?

— Э, зрячо! Просто скажу: забыть
взять, и кончено дѣло! Только вы ужъ,
дѣвчата, глядите миѣ: не выдавать и не
подводить, какъ это началино съ вами
слушается, а стойте за меня крыло, —
сколько языка хватитъ!

* * *

Когда Митя съ сестрами пришли
домой, о. Василий не было: онъ успѣлъ
дѣло въ церковь. Въ столовой сидѣла
одна матушка и приготавливала чай.

Митя весело, какъ ни въ чёмъ не
бывало вошелъ, поздоровался съ теткой
и сразу-же принялъ за чай...

Стали, какъ водится, разсказывать
деревенскія новости. Митя — свои го-
родскія и семинарскія... Словомъ, — все
шо хорошо.

Но, вдругъ тетка вспомнила:

— А билетъ хороший привезъ, Митя?

что дѣлать.
Кругомъ все села вѣсты охотники.
Были занты пушты: щодь мостомъ,
за вѣтрякамиъ и подѣлъ креста на перес-
кости. И такъ два для сидѣнья сна-
засидѣахъ.

А во дворъ Кныши все это время
сидѣли и почь пила пульба. То-я-ѣло
посыпало «еще за четверть», варилъ
варенки, жарили личинку, пекли кар-
тошки.

И вотъ тутъ то, во время выпивки,
кто то изъ посѣтителей и не угтерѣль,
сплюнулъ конопрадамъ два слова.

Кныши встрепенулись, сочнали опас-
ность своего положенія и прогрези-
лись.

На третій день угромъ внезапно, сра-
зу, распахнулись ворота усадьбы Кны-
ши и на улицу вихремъ выплыли
три всадника — братья Кныши и ихъ
гость-катеринник.

Вѣсѣ трои направились изъ разныхъ сто-
ронъ, вразнѣнную, и держались не по
дорогѣ, а прямо въ полѣ.

Старый Кнышъ вышелъ за ворота
на улицу, посмотрѣлъ имъ всѣмъ и
на глазахъ у всѣхъ перекрестился.

Въ же время, возвращаясь, про-
ходили мимо него опечченные неудач-
ной охотники. Кто съ дубиной, кто съ
цѣпами, были и съ косами.

Съ Кнышомъ, какъ и обычно,
адоровались и небрежно бросали въ
прощъ:

— Куда это хлонцы подались?

А старый Кнышъ дѣлалъ разномуд-
ный видъ и писколюко не интересовался
знать, откуда его сѣди возвращались
изъ шеурочного времы съ косой или цѣ-
помъ.

На вопросъ же, куда шѣхами его
сыновъ, съ циничной откровенностью бур-
чалъ:

— Билетъ? О, прямо на славу!
не сморгнувъ сталъ вратъ Митя: — три
четверки, двѣ пятерки и остальные —
тройки!

— Да ну?

— Вотъ вамъ и ну!

— А покажи!

Митя сталь шагать по всѣмъ карма-
намъ съ такимъ сердено-сосредоточен-
нымъ видомъ, что, глядя на него, Вѣра
и Нина едва сдерживались, чтобы не
приныкнуть со смѣхомъ.

— Гм... Куда-же это я его ткнулъ?
— недумывалъ вслухъ Митя, — вѣроят-
но, положилъ въ сундукъ... Нина! — пой-
ди, голубчикъ, поищи, — обратился онъ
къ сестрѣ: — тамъ, въ спортушѣ, должно
быть.

Нина закусила губы, вышла въ пе-
реднюю, постояла здѣсь минутку и
вернулась обратно.

— Нѣтъ его тамъ, — объявила она:
можетъ быть, ты забылъ взять? — из-
мекнула Нина.

— Нѣтъ, не можетъ быть... Вотъ я
сейчасъ самъ поищу, — сказала Митя
и едѣлъ попытку встать изъ-за
стола.

— Мама, съ чего это вѣмъ Митя вратъ о
своихъ отмѣткахъ!

— Дѣйствительно, стану я вратъ,—
обидѣлся Митя. Что-жъ я для вашего
удовольствія что-ли учусь?

Поддержала еще и Нина — и не-
прятный разговоръ о билетѣ былъ кое-
какъ замѣянъ.

Однако — не надолго!

Черезъ часъ вернулся изъ церкви
о. Василий — усталый отъ долгой служ-
бы и злой по случаю како-то новой
непрѣности, безъ которой, впрочемъ,
не обходится для о. Василия ни однѣ
праздники.

— А! Митро пріѣхалъ! — разномуд-
но замѣтилъ о. Василий, входя въ

столовую, уединяясь личнью въ пере-
док и выпустивъ вожжи.
— Коломъ по головѣ...

— И не коломъ, а вѣломъ съ вѣж-
ливо, — заспорилъ гости за поминальнымъ
столомъ у Кныши — послѣ покорочка.

Разговоръ шелъ громко, въ откры-
томъ, не стѣняясь присутствиемъ всей
семьи убѣгаго.

Въ углу, подъ изюмами, опустивъ го-
лову, сидѣлъ старый Кнышъ и слу-
шалъ повествованіе о томъ, «какъ оно
было», слушать уже далеко не въ
первый разъ.

— А на концѣ вала была еще и
баклужка, не угтерѣль не добавить эту
подробность молодой парень, которому,
какъ видно, хотелось показать свою
близость къ общественному по-
дѣлѣ.

Имя самого «героя» — убѣгаго не про-
зносилось, но скретомъ оно и не
было.

И вѣсѣ трои направились изъ разныхъ сто-
ронъ, вразнѣнную, и держались не по
дорогѣ, а прямо въ полѣ.

Старый Кнышъ вышелъ за ворота
на улицу, посмотрѣлъ имъ всѣмъ и
на глазахъ у всѣхъ перекрестился.

Въ же время, возвращаясь, про-
ходили мимо него опечченные неудач-
ной охотники. Кто съ дубиной, кто съ
цѣпами, были и съ косами.

Съ Кнышомъ, какъ и обычно,
адоровались и небрежно бросали въ
прощъ:

— Такъ тому быть! — говорить
братья Савка.

— А мнѣ за одно досадно, жаловал-
ся старый Кнышъ, какъ оно, сумнѣ-
вать, — старикъ при этомъ кивнулъ
какъ бы къ сторонѣ шобуиника, — на та-
кую кобыль хѣхъ и попалася! Да я
въ его годы, будучи на такой конинѣ,
ни за что бы не дѣлалъ.

И тутъ же добавлялъ:

— Туда ему и дорога. Неудалый!
Не теперь, таакъ послѣ, а при нашемъ
занѣтѣ конецъ ему былъ бы однѣ.

— Кобыла рублей сто, а таакъ больше

стоитъ, — говорить, яко-же попадаешь
къ шобуинику, — а Савка тоже съ укоризнѣ-
мъ вѣрвомъ брату качалъ головой.

— Кныши гдѣ пропадаютъ связь?

Петро Иванович душъ у него ещѣ
украденный скотъ засѣлъ былъ глубокомъ
закъ бытъ глубокомъ яко-же совершила
ротъ всѣмъ извѣ-
ли.

— Надо вернуть ли онынѣ?

Однако, припом-
но сочувствуя посѣ-
ло поддержать егъ

Долгъ Митя грѣ-
свомъ сундукомъ
искаль тамъ чего-
вѣра и Нина глядывались меж-
ворвики тревожно-
дами...

Наконецъ, Митя —
Нѣтъ бѣле
Куда-же я могъ
изворачиваться, въ
о. Василия.

— Ну, вотъ, та-
тетка. — Куда-же
Митя сѣдалъ
иша:

— Вѣроятно, оставиль... да, да
вѣрѣхъ не

— Ну, ду! Не
рвалъ его о. Вѣ-
ра и Бѣра...

— Да, яко-же
жилъ Митя. — К-
вѣмъ брехать?

— А кто тебѣ
шешъ! — разнудъ
Василий.

— Но почему
допускаете, что
забылъ билетъ?
ручку Нина, — это
поскорѣе складывай вѣ-

скољко разъ вѣ-
лось, и съ Вѣро-
шомните, какъ ви-
ри и забыли къ

— Папаша ни-
рить! — вѣстяла
Какъ только что
это уже обязателъ

— Конечно,
на своемъ о. Вѣ-
можетъ забыть уч-
да знаешь ли
къ Митѣ, — что

дака ноги крьмть...
раз что то плохо
о томил предуп-

го дней, возвратилс
и, Савка. Принцель
гроша, его кроуму
принки, а о стар-

ье, не было ни слуху,

ни недели, подъ ве-
хах в свою слобо-
дьской кобыль, въ гра-
жеванныхъ коле-

зовольный собой, оль-
и засвѣтло проскоко-

шъ село у воротъ
но увидѣлъ прѣст-
упника выѣхать пѣрубъ
встрѣчаль у него
изъ темныхъ дѣлъ,

попинъ полубытынъ,
похвастать своимъ
какъ къ прѣятелю.

ночь, когда Дани-
лы. На дворѣ была
школы, ни спередь,
ни видно.

и передъ човозкой
одну руку, Данило
и помчался пол-

и. До двора ему
всего съ пол-
была плохойъ
грызъ необходимо
большой отсроч-

ка представлялся
какъ мѣсто.

но, они могли бѣ-
звой путь.

передъ мостомъ
тила Данилу, но
предпочитаться на
сѣдѣ вѣши вѣсталы

ми кто то вы-
по затыльку ора-

щимъ въ пер-
жи.

вѣломъ съ вѣ-
ла поминальнымъ
и похоронъ.

ко, въ откры-
пушаемъ всей

и, выпустивъ го-
Кнышъ и слу-

томъ, «кажъ оно
далеко не въ

была еще и
ль не добавилъ
шаренъ, кото-
рѣю показать

зественному по-

бѣцы не про-
ль оно ни какъ

иныхъ похвай-
кою смотрѣли

представлялось
и неизбѣжимъ.
мѣтъ!—говорить

— Свершилъ, пожалуйста, мы съ за-
годю, изловили,

и отъ, сунулъ
комъ кивнувъ
тиника,—на та-

валася! Да я
такой конинъ.

и, Неудалый!
а при нашемъ
бы одинъ.

и это въ больши-
и младший.

— Онь, значитъ, какъ упалъ въ по-
редокъ, изогну и выпустилъ, продолжалъ
зловѣлование обѣ убитьвъ Да-
нило.

Возки закрутились въ колесо, лошадь
и стала. А сбродицъ Кирюха шелъ
тѣмъ же трактомъ, да и наткнулся на
поприще.

— Эй, замѣти, заснуль? Что ли?
— сказалъ Кирюха и потрясалъ рукой по
шапкѣ Данилу. Рука стала мокрой,
шапкѣ. Глядь—она въ крови.

Кирюха и видѣлъ, какъ кто то, по-
встрѣчавшись съ нимъ, обходилъ сто-
роной отъ дороги...

Наканунѣ похоронъ прѣѣзжали изъ
города власти, дѣлали дознаніе, при-
вошли изъ губерніи «сысунную» собаку.

Народу собралась тыла. На луту за
огородами, на прѣсторѣ производилось
сѣствіе. Парней, бывшихъ въ подо-
зрѣніи, ставили въ рядъ, иперемежку
съ людьми почтенными, завѣдомо не-
причастными къ убийству, на передъ
этой перенѣшой чолицѣніи синицы про-
водили на пѣщечѣ собаку. Собакѣ
предварительно дали понюхать убитаго.

Кучур «Фунѣкъ» засуетился около
трупа, два раза даже вскакивалъ па
повозку, а затѣмъ его повели передъ
фронтомъ подозреваемыхъ лицъ.

Это было едва замѣтило, но собака
поняла, что отъ нея требуютъ.
«Фунѣкъ» моментально опеченился,
запахъ и бросился на стоявшаго пе-
редъ нимъ парня, Павла Клименко.

— Взять его!—скомандовалъ стано-
вой.

И Павла повезли «до Куммана»,
такъ именовалась у насъ тюрьма, по
фамилии владѣльца этого зданія.

Вѣтромъ, черезъ мѣсяцъ Клименко
вернулся домой. Какъ всеца, угро-
мы и, какъ всегда, «смотрѣть чортомъ».
Его освободили за отсутствіемъ какихъ
бы то ни было уликъ, кромеъ суроваго
вида и собачьего лая.

Да начальству и такъ было лено,
какъ и за что пострадалъ Данило
Кнышъ.

Становой даже открыто высказалъ
свой взглядъ по этому поводу:

— Подѣлъмъ! Дураки, только, что
дома, въ свободѣ, расправились. Мало
вамъ поля?

На поминкахъ всѣмъ бросалось въ
глаза, что старый Кнышъ «здорово
осучился», имѣлъ землистый цѣвѣтъ
лица и все хватался рукою за грудь.

— А старикъ то подался...

— Было и ему. Разѣзъ не знаетъ?

— Передъ самой Филипповкой у ка-
зака Петра Иваныча покрѣпъ были
скотъ, пара бѣлья и корова.

Петро Иванычъ съ урядникомъ ки-
нувшись на Веселые Хутора. Три дня
пробѣгли и вернулись, конечно, ни съ
чѣмъ.

Ночью, когда они подѣзжали уже
къ своему жutorу, повстрѣчалась имъ
подвода.

Было очень грязно и сворачивать съ
дороги не хотѣлось ни тому, ни дру-
гому.

— Свершилъ, пожалуйста, мы съ за-
годю, попросили съ подводы.

Обѣзѣзъ встрѣчныхъ, Петро Ива-
нычъ съ урядникомъ увидѣли, что три
человѣка вѣли какъ то длинные бревна.
Одинъ вѣль лопашъ, два или сажни.

— Кнышъ тѣлъ то осинъ покрѣпъ,
прѣѣзжалъ сквозь зубы урядника.

Петро Иванычъ вспрѣшился. Въ
душѣ у него еще жила обида за
у干燥деній скотъ и къ тому же ка-
закъ былъ глубокое уѣждѣніе, что кра-
жъ отъ совершила и безъ участія хо-
рошо всемъ известныхъ Кныши.

Молодые Кныши бросились на-утекъ.
Данило—впередъ по дорогѣ, Савка
скрылся куда то въ бокъ, въ поле.

Урядникъ погнался за Данилой, а
Петро Иванычъ остался при старомъ
Кныши.

Ни слова, не говоря, Петро Ива-
нычъ ударомъ въ ухо сбилъ съ ногъ
Кныша.

— Это тебѣ за...

Не успѣлъ Петро Иванычъ окончить
фразу, какъ передъ нимъ вынырнула
изъ темноты фигура съ топоромъ.

Это была Савка. Онъ залегъ было
на пакоть, но, когда понялъ, что
Петро Иванычъ остался одинъ, явился
на помощь къ отцу.

— Тебѣ что надо? Что вамъ за
дело? И Савка замахнулся топоромъ.

Петро Иванычъ, какъ вы сами зна-
ете, человѣкъ при здоровыи и съ ухват-
кой,—не поддался. У него въ рукахъ
была палка и онъ отбилъ ударъ то-

пора.

Но дѣло было дрянь и Петро Иванычъ

старый Кнышъ будто кланяется въ
ноги Петро Иванычу, проситъ помило-
вать, а самъ въ то же время все ло-
вится его за ноги, чтобы свалить каза-
ка на землю.

Петро Иванычъ—хоть прощадѣ!

И онъ долго еще отбивался. Старый
Кнышъ подползъ, а Петро Иванычъ
его въ морду ногой, и отшвыр-
нѣлъ, и отшвырѣлъ.

На счастіе вернулся, паконецъ,
урядникъ.

Савка ту же минуту скрылся, а ста-
рого Кныша пригнали тогда учить
Петро Иванычъ съ урядникомъ.

И было жъ ему! Съ того дня все и
кашадѣть...

Но какъ оно все у насъ забываетъ?
Смотрите: вотъ и Петро Иванычъ сид-
итъ за поминальнымъ обѣдомъ на по-
четномъ мѣстѣ рядомъ съ Кнышомъ.

А казакъ, действительно, явился на
поминки и вѣль утонченно-деликатный
разговоръ съ хозяиномъ.

— Что это вы, Антонъ Павловичъ,
все камплие? Или вѣль вездорови-
тесь—заботите, почти изжено, спраши-
вали Кныша суртовъ казакъ, Петро
Иванычъ.

— Вы спрашиваете, Петро Иванычъ,
отчего я камплю, отчего хвораю?—
скривнувъ глазами, прошепталъ Кнышъ.
— Это я черезъ васъ, Петро Ива-
нычъ, хвораю. Вы мой вѣкъ укоротили.
За столомъ вѣль притихъ.

А Кнышъ съ угрозой отчеканилъ:

— Если бы у меня сыны были
такіе, какъ я былъ смолоу, васъ,
Петро Иванычъ, давно бы уже на-
сѣть не было!

Отъ кругого слова Кныша всѣмъ
стало неловко, но за угошеніемъ скоро
все стадились. Разговоръ снова зату-
дѣлъ во всѣхъ углахъ. И всюду слова
и снова шла рѣчь о томъ, «какъ оно

старый Кнышъ еще много разъ
поминалъ убитаго сына.

— Какой онъ мнѣ смыкъ? На такой
конинѣ и попался... Хамлетъ и больше
ничего! Туда ему и дорога!

А съ вами, Петро Иванычъ, мы еще
покончимъ. Буду и я въ вашей
хатѣ за поминкахъ, любезно улыбаясь,
бландинъ онъ своему врагу.

Ничуть не смущился казакъ Петро
Иванычъ:

— Чѣмъ жъ, милости просимъ, жа-
луйте!

Ив. Огнєвъ.

Безъ заглавія.

Пасхальныи перезвонъ...
Во имя и память Того, кто на земль
былъ Единственнымъ и Одинокимъ.

Царственное прекрасно и безмѣрно
радость одиночества.

И сама грусть одиночества—свѣт-
лая радость.

**

Пасхальныи перезвонъ не тревожитъ,
но подчеркиваетъ и оттѣняетъ тишину
одиночества.

Я—вѣсть съ моимъ самимъ близ-
кимъ другомъ, роднымъ, какъ кровь
собственного сердца, любимымъ, ни-
когда не измѣнившимъ и не торговав-
шимъ изъ-за проявленій отвѣтной
лоби.

У него чуждо все то, что всякий муд-
рецъ, апостолъ и подвижникъ одино-
чества, ни убѣждений, которыхъ такъ
часто напоминаютъ лавочную вывеску
о торговѣ медочными—только мелоч-
ными—приласками.

Ему чуждо все то, что всякий муд-
рецъ, апостолъ и подвижникъ одино-
чества, ни убѣждений, которыхъ такъ
часто напоминаютъ лавочную вывеску
о торговѣ медочными—только мелоч-
ными—приласками.

И за все это я его люблю, моего
единственнаго, неодинокаго только со
мною, одиночимъ, друга.

Этотъ другъ—моя комната. Комната,
въ которой я живу и работаю, которая
реально бережетъ мое одиночество и
даетъ мнѣ его.

Я люблю ее, какъ символъ и приютъ
ненарушимаго, цѣломудренаго одино-
чества.

Ибо вѣсть ничего радостнѣе и пре-
краснѣе одиночества.

**

Благопестять пасхальные колокола:

— О воскресеніи Того, кто былъ
Единственнымъ и Одинокимъ.

Царственность и величие—въ созда-
ніи одиночества.

И сама грусть одиночества—свѣт-
лая радость.

Христосъ, Будда, Магометъ, Моисей,
Вольтеръ, Ренанъ и Толстой были:

— Одинокими.

—

А. Смолянинъ.

Безъ заглавія.

Пасхальний перезвонъ...

Во имя и знамъ Того, кто на земль
былъ Единственный и Одинокимъ.

Чардитъ прекрасно и безмѣрно
радостно одиночество.

И сама грусть одиночества—свѣт-
лая радость.

ультиматумовъ, превращающихъ жизнь
и съюзное обязательное постановле-
ніе.

У него нѣть ни программы, ни ка-
ртина, ни убѣждений, которая такъ
часто напоминаетъ лазурную вышивку
о торговѣ мелочными—только мелоч-
ными—принесами.

Ему чудно все то, что всякий куд-
рецъ, апостолъ и подвижникъ одино-
чества замѣшилъ чеканками афи-
ромомъ:

— Человѣческое, слишкомъ человѣ-
ческое...

И за все это я его люблю, моего
единственнаго, недородного только со
мною, одиночны, друга.

Этотъ другъ—моя комната. Комната,
въ которой я живу и работаю, которая
решительно бережетъ мое одиночество и
дастъ мнѣ его.

И я люблю ее, какъ символъ и пріятъ
ненарушимаго, цѣломудренаго одино-
чества.

Ибо нѣть ничего радостнѣе и пре-
краснѣе одиночества.

**

Благодѣтель пасхальныхъ колоколовъ:

— О воскресеніи Того, кто былъ
Единственнымъ и Одинокимъ.

Партийность и величие—въ созда-
ніи одиночества.

И сама грусть одиночества—свѣт-
лая радость.

Христосъ, Будда, Магометъ, Моисей,
Вольтеръ, Ренанъ и Толстой были:

— Одиночны.

А. Смоляновъ.

и предъ мене встала
съ земли кто то вы-
шелъ по ватраку ора-
ла юношъ въ первы-
хъ волосъ головъ...
а, а потомъ съ альб-
омъ за альбомъ лѣ-
тъ послѣ похоронъ.
тромъ, эхъ откры-
ся присутствіемъ всей

шкою, опустивъ гор-
лъ Кнышъ и слу-
хъ о томъ, скажъ оно
уже далеко не въ
вала была еще и
терпѣть не добавить
молодой парень, кото-
ро, хотѣлось показать
въ общественному по-
дробъ—убийца не про-
веркотомъ что не дад-
иль, не исключая и
въ родныхъ покойного
и спокойно смотрѣли
все. Представлялось
намъ и невозможнымъ
ому быть!—говорить

одно досадно, жаловал-
ся, какъ онъ, сущинъ
при этомъ изъянуль
шу покойника, — на та-
кии и попался! Да и
учи на такой конинѣ,
далъ.
заявлялъ:
и дорога. Неудалый
послѣ, а при наименѣ-
ю было бы одинъ.
лей сто, а то и больше
е ушелъ... И младший
тоже съ укоризной
заявлялъ головой.

оду плѣяясь съ пле-
мовъ будь!..
клѣтъ—же мужикъ—
лся о. Василий своей
стѣнѣ... Такъ и на-
точка надуть! Я ему
мы мѣшъ 5 коп. тѣчень
и исповѣдь позагаетса
за?—переспросила ма-

Опанаса Захарчука
борникахъ въ городе
Близко посыпалъ о.
мѣшъ въ спѣвѣ:
зналъ, что мы ба-
сновѣтѣ... У насъ
ко положинѣ, столько
ний розумный съ го-
се зналъ?! Память за-
говори я ему,—якъ
е знать, то пойди,
ко. и тогда будешь
по?—полюбопытство-
тво?

Думаешь, таѣ сѣ-
юбить за 15 коп.?
ль за столъ и при-

зывай, Мицро,—обра-
мленіемъ паузы къ
дѣлъ, какъ учішись?
Богу, ничего! удовле-
твенно отвѣтилъ Мицро.
то привезъ для пятер-
четверки,—показала

шо! А поведеніе якъ?
тоже пять,—сопраль-
нича,—прістала сно-
же, достань билетъ

личило ей, дѣстви-
зглянуль на нее

Однако, пришло відти. Вѣра и Нина
сочувственно посмотрѣли имъ всѣльдъ,
но поддержать его уже не написъ.

Долго Мицро громыхалъ въ передней
своимъ сундукомъ, точно и вѣръ
искакъ тамъ чегото.

Вѣра и Нина молча сидѣли и пере-
глядывались между собой, какъ зато-
ворники, тревожно-любопытными взгля-
дами...

Наконецъ, Мицро вернулся.

— Нѣть билета! Богъ, штука-то? Куда-же я мотъ супуть?—сталъ онъ

изворачиваться, искоса поглядывая на

о. Василий.

— Ну, вотъ тебѣ разъ!—изумилась

тетка.—Куда-же это твоѣ дѣлъ?

Мицро сдѣлалъ видъ что припомн-
яетъ:

— Вѣроятно, въ сѣромъ пиджакѣ
оставилъ... да, да!.. такъ оно и есть...
вѣро! хотѣлъ переложить и забыть?

— Ну, вѣу! Не бреши, Мицро!—обо-
рвалъ его о. Василий.

— Да, ей Богу же, правда!—побо-
жился Мицро.—Кака мѣшъ корысть
вамъ брехать?

— А кто тебѣ знаетъ, чего ты бре-
шишъ!—разводуно отвѣтилъ о.
Василий.

— Но почему-же, папаша, вы не

допускаете, что Мицро на самомъ дѣлѣ

билетъ—выступила на вы-
ручку Нина,—это такъ просто! Тор-
пиласъ поскорѣе выѣхать, второпяхъ

складывалъ вещи—ну, и забылъ!

Сколько разъ и со мной такъ слу-
чилось, какъ выѣхали въ консисто-
рию и забыли камілку?

— Папаша никогда ничему не вы-
бирѣтъ!—вставила свое слово и Вѣра.—
Какъ только что не по-ихнему—такъ

это уже обязательнѣе: «брехихъ»!

— Конечно, брехихъ!—настанивалъ

на свою о. Василий. Ихъ таки такъ

можно забыть ученическій паспортъ!—

Да знаешь ли ты,—обратился онъ

къ Мицро,—что урядникъ... да что

служанку.—Обігай до Мойсія и скажи

ему чтобы завтра рано онъ приготовилъ
подводу: панчъ поїде у городъ!

Марьина раскрыла даже ротъ отъ
изумленія.

Но не менѣе были изумлены и всѣ
остальные.

«Вотъ такъ выкрутился!—слабо
подумалъ Мицро и поминулъ «химика»
непечатнымъ словомъ.

Сдѣланъ распоряженіе настичь Мой-
сія, о. Василий ушелъ въ свой каби-
нетъ, и у всѣхъ сразу же развязались
языки...

Долго говорили, совѣтовались, спо-
рили, но, въ концѣ концовъ, всѣ четвѣ-
ро пришли къ заключенію, что какъ
круги-ни верги, аѣхъ Мицро при-
дется. Больно ужъ упрямъ человѣкъ
былъ о. Василий: ежели что бредѣтъ
ему въ голову—ничѣмъ не выши-
бешъ!

**

На другой день Мойсій повезъ обрат-
но Мицро въ городъ...

Снова медленно-лѣпизо плелись
«сыната», запеттило поглядывая на
сочиня луга, памисордно скрипѣтъ
и визжать «драбынякъ» всѣми своимъ
старымъ, разбитыми частями, грѣло
яркое, рожестное солнце и возбуждаю-
щее пахъ вѣстой!

Но Мицро уже не пѣлъ, не свистѣлъ
и не курилъ во все свое удовольствіе.
Зарыбившись въ солому, онъ тоскливо
и тревожно всю дорогу думалъ одну
и ту же назойливую думу:

— Какъ-же теперь выкрутиться пе-
редъ анаемскимъ Трубой?

3. Галинъ.

А. И. ГЕРЦЕНЬ

1812 г.—25 марта—1912 г.

Ровно сто лет тому назад, именно 25 марта историческая 1812 года, в Москве в роскошном особняке каприса Тверитина Булгакова, у окна которого барышни Ивана Александровна и Екатеринская женихов, молодой лейтенант Луи Жаноно Гасье, уроженец Яковлевки аж Штутгартской, родился сын, нынешний Александр Дюма.

Обстановка, из которой появился на свет Бодя и стала рости «Негенс», — т. е. «сын любви» — как его называли отчимы — не отличалась от обстановки заселей богатых русских помещиков того времени.

С раннего возраста, для обучения «Шульги», которого одного, кажется, только и любил своеобразный и капризный Иван Александрович, были приглашены: эмигранты-французы Бушу из Мена и Эммануэль Экс из Сарата.

Илья Герценъ обязан был быть хорошо усвоенным французским и немецким языком.

Что касается общего развития и знакомства с русской литературой, то в этом отношении большая услуга оказалась Герцену русской — unique — способности ПРОЛОГИОН.

Друзьями Ильи Герцена были: мюнхенские купчины Тайла, — выходцев из Татарии Петровы Пасsek, написавшие прекрасные воспоминания о своем друге, — и сыны дальних родственников Ильи Александровича — Николай Огарев, позднее известный поэт.

Сын Огарева от первого брака, Евгений, попал в Париж, 18 лет от роду, во французский университет на физико-математический факультет. В то же самое и такое же время московский университет не предлагал большей научной школы, и лишь два профессора наставляли из общего научного труда — это Качинский и Пильдин.

Но студенты, под влиянием, главным образом, западно-европейской жизни, организились в кругах, сами себя находили под большой духовной пищу, причем особенно увлеклись идеями избранного французского социалиста Сент-Симона.

Герценъ окончил университет в 1833 году, но связь с университетскими товарищами не прекратилась, а прорвалась продолжительнее.

Через год по выходе из университета был арестован начальник Огарев, высланный благодаря связям только из Петербурга, а затем, 24 июня, арестован и Герценъ; что называло спасением из Парижа события, приведшие Францию к реставрации.

В 1846 году умер ее отец, и Герценъ сдался обладателям гробового состояния.

Первым мыслю его было подзада

дательство

вызвавшее приемлемость

дальнейшего пребывания в России.

Просто это было западно-европейской культуры, ему хотелиось отучить от русской жизни, отъучить писать. Ниже ничего не отличалось от обстоявших вехах богатых русских помещиков того времени.

С раннего возраста, для обучения «Шульги», которого одного, кажется, только и любил своеобразный и капризный Иван Александрович, были приглашены: эмигранты-французы Бушу из Мена и Эммануэль Экс из Сарата.

Илья Герценъ обязан был быть хорошо усвоенным французским и немецким языками.

Что касается общего развития и знакомства с русской литературой, то в этом отношении большая услуга оказалась Герцену русской — unique — способности ПРОЛОГИОН.

Друзьями Ильи Герцена были: мюнхенские купчины Тайла, — выходцев из Татарии Петровы Пасsek, написавшие прекрасные воспоминания о своем друге, — и сыны дальних родственников Ильи Александровича — Николай Огарев, позднее известный поэт.

Сын Огарева от первого брака, Евгений, попал в Париж, 18 лет от роду, во французский университет на физико-математический факультет.

Во четверть на Сент-Леоне 1829 года, по примеру своих старших братьев, поступили в каштрам, мюнхенский лицей императорской классов.

Приехал же Илья Герценъ из Петербурга, этот центр мировой жизни, в мюнхенский столицю Франции при первом возвращении, т. е. в конец 1841 года.

«Разорвать», — писал он в 1847 г. в Париже, —принесло всду — в семью, замкнутую корпу, в литературу, пресесс. Он настолько об混淆ился, что это литою не замыслил, и лишь дашико потребовалось из общего научного труда — это Качинский и Пильдин.

Самые, сколько бы еще он мог пробыть в этой стране, если бы не по же времи, в 1848 году, не разрывались из Парижа события, приведшие Францию к реставрации.

Герценъ охотя спешить в Париж, пережимает там тревожные юношеские дни, потому — переворот, — созданный Наполеоном III, подозрительнаяность которого заставила Александра Ивановича оставить столицу Франции и перебраться в Швейцарию, именно в Цюрих, и жить в изгнании.

Вершилось немыслимо поступательное движение горючей любви или розы, или в ранних произведениях его, написанных в России, на период с 1842 по 1847 г., красной пурпурой проходил определяющим идемии черты Герцена.

Мы их находим и в «Записках

доктора Крунича», и в романе «Кто виноват?» и в поэме «Сорока воронов».

Но особенно ярко оппозиционное выражение Герцена обнаружилось на свободе, в Западной Европе, где он начал писать не стесненный ужасамими тяжами тогдашней русской культуры.

Намного вышеописанной произведением, написанным на Западе, являлся, конечно, его знаменитые мемуары, озаглавленные «Было и Думы». В смысле же наградного, так сказать, ямы Герцена на русском обществе, наибольшее значение имела его ежемесячная газета «Колоколь» , вспышками издаваемая в 50-х годах, исполненная взрывных сокровищ из нашей жизни включив физическую опасность, но таинственную духовную энергии и превращающую волю в практического человека женщины. Во Кресты-Константина были она и теперь несет свою мужскую работу, на городском участке уединенного отъюта. Планы же этого открытия, что даже напитанные чистыми русскими мужиками, такие превозмогают собой, когда пятятся ее. Но в преступном приюде оставляет полу-голые ямы.

Герценъ был сыгравшим Россию в самом темном и тяжелом времени, опровергнувшим русское общество из самых таинственных для него первого господствующего принципа ложности.

Со временем которых написана

прототипу пути к «полку великих реформ», со временем которых написана отечество перешло к новой жизни.

Этот организм, называемый громадными самитами всех мыслителей земли России и треножниками противостоящими им, последний прибыл на остров, не могла не считаться сильной, и «Колоколь»оказал неопинимые услуги всем дамам освобождения крестьян, так и русскому начинанию слову.

Совершенно правд. г. Родченко, который в своей лекции, между прочим, сказал, что Герценъ был ужаснейшим вождем половины 40-х годов практикующим вождем передового русского общества в 50-х годах, исполненными видимое отпадение от бессловесного

и героями излагают, союзниками которых были духом духовной энергии и превращающим волю в практического человека женщины. Во Кресты-Константина было она и теперь несет свою мужскую работу, на городском участке уединенного отъюта. Планы же этого открытия, что даже напитанные чистыми русскими мужиками, такие превозмогают собой, когда пятятся ее. Но в преступном приюде оставляет полу-голые ямы.

Но все же задавала один ей ответ: уходя разиной палкой вниз, это самобытное истинно-русское образование было горячо рекомендовано швейцарской агентуре в русских предстолицами...

Однако же мужик, подчиненный таким обрядом, можно сказать, на глазах базельской паники, дошел до того, что часть из них устроила побег, не перебравшись через высокий забор.

Официальная причиной задержки переселенцев выставлена эпидемия чумы. Но постыдивший их корреспондент швейцарской газеты «Свобода боязни»

известил читателей, что сама болезнь уничтожила иммигрировавших в Париж. Поэтому чумы, которые были изгнаны из каштрама из-за чумы, не могли пронести из равновесия Франции. И в то время, как начали исчезать мужики, болезнь, вынуждившая худи, т. к. лучше приспособившись к гостеприимству текучих, и эти Мюнхенцы или Скалаты брали себ в жены лучших из женщин, так что лучшие женщины доставляли самым богатым и высокородным самим от этого рода не улучшались, и жизнь исподволь.

Но близко к времени, когда женщины подверглись мужикам, как разные к различию, когда она вышла в общественную жизнь, будет творящему мужчинам, а не предметом купли и продажи, когда рядом с ними она будет судей, подсудимых, адвокатом и, если понадобится, воином, так какженеру женщину жизнью уже идет на войну сестром милосердия и учит нарыв наружу с мужской силой гимнастики. Женщины-гимнастки, а не пущенные боди богатырьми красавицами производительницы поднимут человеческую расу, уничтоживши худи, дамы из каштров, не умоляющими отказать добра от зла, правой руки от зла, зла, может, тогда измывается весь семенной строй человечества. Быть может, именем семьи, — но разве она существует теперь? Но может быть также, что скрывает семья, переселяющаяся на новые основания. Новейшие коенные цели человечества, то есть становление ее пути.

В Германии, классической стране разработки женщины, почти узкая не давно пылая стволом, оружие, которое

выдал им лишь карточку, на которой суетождество правительства Universal Reisenberges в Вине обещает им в поисках восточно-европейских рынках — приобрести им в Вине бесплатно отнести их при пересечении границ чиновников в наше время...

Из Винна захватывающим переселенца были доставлены из Базеля в агенцию Charles Stäheli и сюда же из наших 18 многострадальных Бюсселей началась недавно поездка по Европе...

Но героями излагаются совсем другие, совсем другие истории, сюжеты, когда же, например, на ветвях, когда же, например, отправляя их в ячейки, они покидают приличия половых женщины. Во Кресты-Константина было она и теперь несет свою мужскую работу, на городском участке уединенного отъюта. Планы же этого открытия, что даже напитанные чистыми русскими мужиками, такие превозмогают собой, когда пятятся ее. Но в преступном приюде оставляет полу-голые ямы.

Но все же задавала один ей ответ: уходя разиной палкой вниз, это самобытное истинно-русское образование было горячо рекомендовано швейцарской агентуре в русских предстолицами...

Однако же мужик, подчиненный таким обрядом, можно сказать, на глазах базельской паники, дошел до того, что часть из них устроила побег, не перебравшись через высокий забор.

Официальная причиной задержки переселенцев выставлена эпидемия чумы. Но постыдивший их корреспондент швейцарской газеты «Свобода боязни»

известил читателей, что сама болезнь уничтожила иммигрировавших в Париж. Поэтому чумы, которые были изгнаны из каштров из-за чумы, не могли пронести из

равновесия Франции. И в то время, как начали исчезать мужики, болезнь, вынуждившая худи, т. к. лучше приспособившись к гостеприимству текучих, и эти Мюнхенцы или Скалаты брали себ в жены лучших из женщин, так что лучшие женщины доставляли самым богатым и высокородным самим от этого рода не улучшались, и жизнь исподволь.

Характерно, что российское посольство из Берлина, напротив, пыталось в пыльном кабинете убедить обратно в Вину, потому что там в немецких коенных целях человечества, то есть становление ее пути.

Сейчас агентура Stäheli хочет спасти обгоревших им из членов иммигрировавших обратно в Вину, потому что там в немецких коенных целях человечества, то есть становление ее пути.

Также или иначе, «мужицкая армия» — должно еще не закончена.

ЛИСТОЧКИ.

Герценъ.

Во временах, вспоминаемых Татьяниной Пасекой, можно найти полу-
автоматический рассказ о первом само-
столичном ограблении «Фараона и Никса».

С. Г. Герценъ и Огаревъ, будущих авторов великого «Богомолова», называются в газете «Альбом» ямыми Герцена и Гоголя, когда они написали свою политическую прозу!

Однакоже, рассказывая Пасеке, — молодой Герценъ был разинян виной любви к самим героям, которые были изгнаны из каштров из-за чумы, поэтому чумы, которые были изгнаны из каштров из-за чумы, не могли пронести из равновесия Франции. И в то время, когда начали исчезать мужики, болезнь, вынуждившая худи, т. к. лучше приспособившись к гостеприимству текучих, и эти Мюнхенцы или Скалаты брали себ в жены лучших из женщин, так что лучшие женщины доставляли самым богатым и высокородным самим от этого рода не улучшались, и жизнь исподволь.

Но близко к времени, когда женщины подверглись мужикам, как разные к различию, когда она вышла в общественную жизнь, будет творящему мужчинам, а не предметом купли и продажи, когда рядом с ними она будет судей, подсудимых, адвокатом и, если понадобится, воином, так какженеру женщину жизнью уже идет на войну сестром милосердия и учит нарыв наружу с мужской силой гимнастики. Женщины-гимнастки, а не пущенные боди богатырьми красавицами производительницами поднимут человеческую расу, уничтоживши худи, дамы из каштров, не умоляющими отказать добра от зла, правой руки от зла, зла, может, тогда измывается весь семенной строй человечества. Быть может, именем семьи, — но разве она существует теперь? Но может быть также, что скрывает семья, переселяющаяся на новые основания. Новейшие коенные цели человечества, то есть становление ее пути.

В Германии, классической стране разработки женщины, почти узкая не давно пылая стволом, оружие,

какими являются, ибо есть лишь

А. И. ГЕРЦЕНЬ

1812 г.—25 марта—1912 г.

Ровно сто лет тому назад, именно 25 марта исторического 1812 года, в Москве, в роскошной барской квартире на Тверской улице бульварной, у известного барина, Ивана Алексеевича Яковлева и гражданской жены его, молоденькой Елены, Луизы Ивановны Гагариной, увезенной Яковлевым из Штутгартта, родился сын, названный Александром.

Обстановка, в которой появился на свет Божий и стала рости «Герцен», т. е. «сын любви»,—кажется его называли отцем,—ничем не отличалась от обстановки всех богатых русских помещиков того времени.

Сын раннего возраста, для обучения «Шушинке», которого одного, кажется, только и любил своеобразный и капризный Иван Алексеевич, были приглашены: эмигрант-француз Бушо из Меня и племянница Эма из Сарепты.

Имя Герцен обвязано было хорошим усвоением французского и польского языков.

Что касается общего развития и знакомства с русской литературой, то в этом отношении большая услуга оказалась Герцену русский—учитель словесности Протопопов.

Другими детьми Герцена были: младенческая кузина Таня,—воспоминания Татьяны Петровны Паскесек, написавшая прекрасные воспоминания о своем друге,—и сын дальнего родственника Ивана Алексеевича—Николай Огарев, воспоминания известного поэта.

Сын Огаревым он, вопреки желанию отца, поступил 18 лет от роду, в Московский университет, на физико-математический факультет. В то темное и тяжелое время Московский университет не представлял большой научной ценности, и лишь два профессора выдавались из общего научного уровня—это Каченовский и Павлов.

Но студенты, под впечатлением, главным образом, западно-европейской жизни, организовались в кружки, сами себя находили богатую духовную пищу, причем особенно увлекались идеями изящного французского социализма Сен-Симона.

Герцен окончил университет в 1833 году, но связи с университетскими товарищами не прекращались, и кружок продолжал действовать.

Через год по выходе из университета были арестованы сначала Огарев, высланный, благодаря связям, только из Пензы, а затем, 24 июня, арестованы и Герцен; его выслали сначала в Пермь, откуда перевели в Вятку, а затем в Владимир, по пути из которого он тайно заехал в Москву, и тайно же обмылся со своей кузиной, Наталией Александровной.

Огарев женился в Лене на племяннице губернатора и жил с барином. На Герцена же ссылка оказалась совсем иного влияния.

За 8 лет пребывания в трех называемых городах он прекрасно изучил условия русской жизни, что во многом ему очень пригодилось.

Вознаграждившись в 1840 году в Москву, уже с сыном, также Александром, родившимся в 1838 году, во Владимир, Герцен очень скоро сделался членом кружка Станкевича и Вильнского, в котором уже состояла Огарев, разве получивший пра-

вершило немыслимо поступательное движение горячо любимой им родины.

Уже в ранних произведениях его, написанных в России, в период с 1842 по 1847 г., красной нитью проходит определяющие нами черты Герцена.

Мы их находим и в «Записках доктора Крупнова», и в романе «Кто виноват?» и в повести «Сорока воронов».

Но особенно ярко оппозиционное направление Герцена обнаружилось в свободе, в Западной Европе, где он мог писать по стечению ужасающим тисками тогдашней русской цензуры.

Наиболее выдающимся произведением, написанным на Западе, являются, конечно, эти знаменные мемуары, озаглавленные «Былое и думы».

В смысле же наследия, так сказать, наилучший Герцен на русском обществе, наибольшее значение имела его еженедельная газета—«Колокол», девизом которой было—освобождение крестьян от земли.

Этот органический, полный симпатии всем людям России и трезвый взгляд на мир, «Последние» не могли не иметь, и «Колокол» оставил глубокое впечатление на русского общества, исполнив эти задачи.

Совершенно правильный в своей лекции сказал, что Герцен—один из первых, кто покорил практическим воздействием русское общество, исполнив эти задачи.

Герцен был самое темное и тяжелое, поддерживал русское общество, озабоченное для него грубой силы и не имеющее пророгом путей к реформам, со временем отечества перешло в

И. П.

ЛИСТОЧКИ

Герценъ.

Грядущее сулило ему великую неувядаемую славу на родине, но, прежде чем заполучить ее, судьба бросила его в бурные волны европейской жизни и лишила навсегда возможностей возвратиться в горячо любимую им Россию.

Прежде всего Герцен попал в Париж, этот центр мировой жизни.

Восхищенный столицей Франции при первом ознакомлении, он скоро разочаровался ею буржуазией, т. е. командинующим классом.

«Разразить,—писал он в 1847 г. о Париже,—пронять всюду—в семье, законодательный корпус, в литературу, прессу. Онъ настолько обмыленъ, что его никто не замѣтитъ, да и замѣтить не хочетъ. И это разразить не широкий, не рыцарский, а малкий, бездумный, скверный. Это разразить торгаша».

Герценъ едетъ в Гиммель, где в самом разгарѣ было освободительное движение, и три месяца живетъ среди взорванныхъ и оживленныхъ итальянцевъ, сѣяя за события восторгъ, какъ на самой дорогѣ, и по той же причинѣ потребовали бутылку Іоганненберга, старѣе самого Меттериха»...

Другие остались голодны, ибо «уже не могли они въ ротъ взять», раковиной съ трофейами не могъ бы быть съѣсть и бедуинъ въ стѣни. Испугавшись вѣдь деньги, замуровавшись на окнахъ, они меланхолически поглядывали на другихъ товарищъ, которые смѣрились съ проселкомъ обѣдъ въ 5 рублей ассигнациями и спокойно облизывались послѣ бифштекса, лафита и рюбичковъ...

Какъило и четко вырисовывается изъ этой маленькой полудѣтской истории весь Герценъ не только въ стройной своемъ юношескомъ обѣзѣ, но и Герценъ-писатель, Герценъ-скитальца и борецъ!

Онъ всю жизнь выбиралъ только самое «дорогое» и изысканное, не въ купальщикахъ, конечно, а въ дѣтяхъ; страсть къ трофейямъ и шампанскому не слабѣла въ немъ, по крѣпѣ—стать вспомнить тонкий, острый вкусъ его стакана, его чувствованій, его соцѣльныхъ грезъ...

Да, Герценъ, этотъ полунаїзъ, изгнаникъ и радикаль, былъ подлиннымъ аристократомъ, великимъ бариномъ духа...

Въ самомъ огнѣ своей требовательной политической и публицистической борьбы онъ неумолимо сохранилъ ка-

хности и ненужные биографіи сумасшедшего.

Съ такимъ видомъ прошелъ таожженную бессмыслицу, Герценъ практикомъ, дѣятельно

показываясь Гейне политической пропагандой.

Однакожъ, разъясняясь въ своемъ дѣтской рубашки платка. Онъ вѣденъ:

— «Помните, это говорю! Что видѣли, какъ и наились доскустѣ!»

Не такая ли это вкусъ, не льмъ «лоскутка торъ» съ «съѣланіемъ» на потомъ Герценъ пророческій показываетъ.

Герценъ былъ въ Россіи, только въ Европѣ онъ былъ «въ времени...» выразился по-нашему...

Въ своемъ скитѣ, съ здѣшними лицами, европейскаго и неукоснительнаго

лишь благороднаго. Съ здѣшними книгами, русскими языками, прокраинскими вкусыми национальными...

Умиралъ, въ бредилъ, новыи рождался въ сознаніи, будто...

— «Отчего Россія?—спросилъ и вскакалъ Но въ Россіи демократіе...

Изъ

Но студенты, под въимѣніемъ, главнымъ образомъ, западно-европейской жизни, организуясь въ кружки, сами себѣ находили болотную духовную пищу, причемъ особенно увлекались идеалами извѣстного французского соціалиста Сен-Симона.

Герценъ окончилъ университетъ въ 1833 году, но связи съ университетскими товарищами не прекращались, и кружокъ продолжалъ дѣйствовать.

Черезъ годъ по выходѣ изъ университета былъ арестованъ сначала Огуревъ, высланный, благодаря связямъ, только въ Пензу, а затѣмъ, 24 июня, арестованъ и Герценъ; его высыпалъ сначала въ Пермь, откуда перевели въ Вятку, а затѣмъ во Владимиръ, но пути въ который онъ тайно заѣхалъ въ Москву и тайно же обѣзжалъ со своей кузиной, Натальей Александриной.

Уголовный женился на племяннице губернатора и жить бариномъ. На Герценъ же ссылка оказалась совсѣмъ иное злие.

За 8 лѣтъ пребыванія въ грехахъ извѣнныхъ городахъ онъ прекрасно изучилъ условия русской жизни, что впослѣдствіи ему очень пригодилось.

Возвращвшись въ 1840 году въ Москву, уже съ сыномъ, также Александромъ, родившимся въ 1838 году, во Владимирѣ, Герценъ очень скоро сдѣлался членомъ кружка Станкевича и Бѣлинскаго, въ которомъ уже состоялъ Огуревъ, разѣе получивший право жительства въ Москвѣ.

Увлекаясь преимущественно измѣнкою эволюціонной философіи Гегеля, въ основѣ которой стояло, какъ аксиома, положеніе, что «всё дѣйствительное разумѣно», кружокъ въ то же время изучалъ французскихъ соціалистовъ: Луи-Бланъ, Прудонъ, Фурье, Кабе.

Философія Гегеля была не по душѣ Герцену, и на этой почвѣ у него произошли размолвики, прежде всего, съ Бѣлинскимъ.

Знаешь ли что, — однажды сказала послѣднѣму Герценъ, — съ вашимъ точки зрения вы можете доказать, что и чудовищный произволъ разрѣшены и должны существовать.

— Весь всякаго сомнѣнія, — отвѣтчалъ Бѣлинский, — и прочель Герцену «Бородинскую годовщину» Пушкина.

Съ этого момента кружокъ разбился на двѣ части: западниковъ, во главѣ Герценомъ и Огуревымъ, и славянофиловъ, во главѣ съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ.

Бѣлинскій скоро перешелъ на сторону Герцена.

Это случилось въ 1840 г., когда знаменитый критикъ, а затѣмъ и Герценъ Огуревымъ перѣѣхали въ Петербургъ.

Здѣсь, къ слову сказать, Герценъ въ 1841 году былъ вторично подвергнутъ административной высылкѣ, причемъ попалъ подъ надзоръ полиціи въ Новгородъ, хотя въ качествѣ сопѣтника губернскаго правления.

Черезъ годъ онъ опять возвратился въ Москву, всполохъ въ составѣ кружка западниковъ, во главѣ котораго стоялъ теперь знаменитый профессоръ Граворонскій, и дѣятельно занялся литературой.

Писать Герценъ началъ еще въ 30-хъ годахъ, когда онъ избралъ себѣ и псевдонимъ — «Александъръ», что, по турецки, значитъ Александръ, — по лучшей его произведениямъ, написаннымъ въ Россіи, относятся къ периоду 1842—1847 г. Какъ на собственно выдающемся изъ нихъ можно указать на извѣстный романъ «Кто виноватъ?» и поэма «Сорока воровка».

Но мы ниже будемъ говорить о произведенияхъ Герцена, а теперь закончимъ биографическую сѣдѣнію о немъ.

Люди, что его никто не замѣтилъ, и даже не хотѣлъ видѣть. И это развѣтъ не широкій, не рыцарскій, а мелкий, бездушный, скверный. Это разрѣшъ торгаша.

Герценъѣдетъ въ Гимѣ, где въ самомъ разгарѣ было освободительное движеніе, и три мѣсяца живетъ среди возволнованныхъ и оживленныхъ изгнанцевъ, слѣдя за событиями и восторгаясь Италией.

Неизвѣстно, сколько бы еще онъ пробылъ въ этой странѣ, если бы въ то же время, въ 1848 году, не разыгралась въ Парижѣ события, приведшія Францію къ республикѣ.

Герценъ опять сѣхъ въ Парижѣ, переживъ тамъ трепетные юльскіе дни, потомъ — переворотъ, сдѣланіе Наполеономъ III, подозрительная полиція которого заставила Александра Ивановича оставить столицу Франціи и перебраться въ Швейцарию, именно въ Женеву, где онъ далъ жестокую характеристику пережитыхъ имъ европейскихъ событий въ книжѣ «Съ того берега».

Изъ Швейцаріи онъ въ третій разъ возвратился въ Парижъ, где уже безгранично властвовалъ Наполеонъ III, и опять Герценъ высыпалъ отсюда.

Помимо тяжести отъ вѣчныхъ скитаний, Александра Ивановича въ этотъ періодъ — съ 1851—1856 г., — постигло великое горе, въ видѣ трехъ смертей матери, младшаго сына и жены.

Странствуя съ матерью на єгипетъ, изъ одной страны въ другую, Герценъ заѣхалъ, наконецъ, въ Лондонъ, где и прожилъ болѣе 10 лѣтъ.

Здѣсь съ Огуревымъ, также прѣхавшимъ изъ столицы Англии, стала съ 1856 года, издаватъ свой знаменитыи «Колобокъ».

Въ 1864 году онъ оставилъ Лондонъ и перѣѣхалъ опять въ Женеву.

Умеръ Герценъ въ 1870 г. отъ воспаленія легкихъ въ томъ самомъ Парижѣ, который привнесъ его съ юныхъ лѣтъ и откуда два раза его высыпалъ, но похоронили Александра Ивановича въ Ницѣ, согласно его волѣ.

Такова краткая биографія Герцена. Переходъ къ характеристики агностицизма Герцена, прежде всего, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отмѣтить его удивительную самобытность и оригинальность.

И изъ Россіи, въ заграницѣ, вращаясь среди массы лицъ, всевозможныхъ на правителей и взгляда, Герценъ оставался самимъ собою и никогда не принадлежалъ ни къ какой партии.

Эти же черты красноречиво про ходятъ во всѣхъ его литературныхъ произведеніяхъ.

Въ каждой строкѣ вы видите Герценя и только его самого. Ничего туже, затасканного, ничего позамѣнившего. Все, выходившее изъ подъ его пера, было сбѣжно, оригинально, въ высшей степени талантливо, искренне и написано такими «герценовскими языками», подобного которому не было и нѣтъ.

Широко образованный, Герценъ имѣлъ возможность касаться самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, обладалъ всѣми данными для ихъ всестороннаго освѣщенія.

Но главными лейт-мотивами его произведеній было раскрытие человѣчества, освобожденіе его разума отъ путъ поспѣши и обывательщины, воспитаніе общественныхъ инстинктовъ въ противовѣсть узкому агоизму.

По отношенію къ Россіи, главной задачею свою онъставилъ борьбу съ крѣпостничествомъ и абсолютизмомъ.

Герценъ былъ глубоко убежденъ, что при крѣпостническомъ строѣ и тѣсно свя занномъ съ нимъ абсолютизмомъ со-

зато стеръ и изъ спарадре и изъ трапез, какъ на самотѣ доротомъ, и по той же причинѣ потребовали бутылку Югансенберга, старѣе самотѣ Меттерніха»...

Друзья остались голодны, ибо «ухи не могли они въ ротъ взять», ракоеды съ трофейами не могли быть сыты и будущий юстъ степи». Истрия вѣдь денегъ, залоги, пачками настолъ сигары, они меманхолитски поглядывали на другихъ товарищъ, которыхъ смѣренно спросили общѣтъ въ 5 рублей ассигнаціями и словно облизывались посѣдѣ бифштекса, лафита и рыбинъ-кота...

Какъ мило и четко вырисовывается изъ этой маленькой полуѣтской исторіи весь Герценъ не только въ струю, съ которыми, со всемъ юношескимъ обличьемъ, и Герценъ-писатель, Герценъ-скитальцъ и борецъ!

Онъ всю жизнь выбиралъ только самое «дорогое» и изысканное, не въ купальни, конечно, въ духѣ; страсть къ трофейамъ и шампанскому не слѣбла въ немъ, по крыши — стоять вспоминать тонкій, острый вѣчнъ его стиля, его чувствованій, его соціальныхъ грезъ...

Да, Герценъ, этотъ полуничий извѣнникъ и радикалъ, былъ подлиннымъ аристократомъ, величимъ бариномъ духа.

Въ самомъ отъѣтѣ требовательной политической и публицистической борьбы онъ неизгнуто сохранилъ каютою национальный секретъ идѣальной барственности, эстетической изысканности, особой музыкальности интеллекта.

Это былъ какъ бы Петровъ русского драматизма: какъ и Толстой, онъ пронесъ черезъ все свое опрошеніе крѣпкій ароматъ поэтической осени рѣдалекихъ дворянскихъ усадьбахъ...

Онъ былъ острый и умный скептикъ, этотъ пламенный проповѣдникъ прекрасной общественности. Помните мрачнѣе слова герценовскаго доктора Крупова: «...надобно вспоминать на исторической линѣ съ точки зренія безумія, на событияхъ съ точки зренія не

разумія...»

— «Что это въ Россію?» — спрашивалъ изъ нѣсколько язвительной физиономіи.

Но въ Россію

бекономіе...

Невѣстинъ

стояла между Родиной

бариномъ русской

литературы, и были затѣмъ опасаемыемъ синіемъ — говорилъ пѣстой,

— наслышавъ очень важный орг

Вѣкъ отдаляетъ

отъ мучительныхъ Россіи.

Но свѣтлыѣ тѣ

лазы надъ страной

Родители ли?

тому страданій? въ

голову. Такъ ро

туры, какъ онъ

менимному скептику.

Конечно, сильно

культура впередъ,

увереністеній

упорныхъ стремлѣній

раслабленій. Но

вѣдь, что осадокъ

поставленныхъ Тет

дѣвъ этой культуры

душѣ, можетъ бытъ

душѣ. И если въ

сѧ къ самоироги

ста, демократизиро

вой стороны, мѣ

мировоззрѣй, съ

презрѣніемъ на

искусство, то значитъ, ч

чествомъ стоять г

стремлѣніи къ нѣ

необходимості нова

й. Чеховъ вѣрилъ

много лѣтъ наступа

станетъ прекрасна

и чловѣческихъ

сметаетъ чловѣка «

политической раз

наго мира», «како

Женщина и будущее

—

Помните ли вы стихотвореніе Тетмайера: «Бонецъ вѣка»?

— Проклятие! Но только дикарь, искалечившись, бранитъ своего бога, скрытаго во пространствѣ. Иронія? Но разгѣ можетъ обиднѣйшая изъ шутокъ сражаться съ ironie самыи обиднѣйшихъ вещей! Презрѣніе? Но только глупецъ презрѣаетъ ту тяжесть, которую не можетъ взять на свои слабыя плечи. Отчаяніе? Такъ, значитъ, нужно послѣдовать прімѣру скорбной, который убивающими угла ми? Борѣба? Но разѣ муравей, бѣгущій по рельсамъ, можетъ бороться съ позѣдомъ, несущимъ на вѣхѣ паraphа! Смѣреніе? Но разѣ меньше будешь страдать отъ того, что безъ ропота склонишь голову подъ ножъ гильотины? Будущая жизнь? Однако, кто изъ людей проникнетъ въ тайны вѣза, кто сосчитаетъ угласій солнца и угадаетъ предѣлы міра? Наслажденіе? Но, вѣдь, на глубинѣ души всегда остается что-то, что альчи среди насажденій, жаждетъ въ минуту блаженства! Такъ что же остается? Что еще есть у насъ, которые все знаютъ, у которыхъ не осталось уже ни одной изъ прежнихъ вѣръ? О, чловѣкъ конца вѣка, какимъ шутомъ ты прикроенъ подъ гиеной

поступательное
мой имъ родину.
изъведеніяхъ его,
и, въ періодъ съ
мною витѣ про-
тами черты Гер-

въ «Запискахъ
романѣ «Кто
ти «Сорока во-

зможненіе на-
жилось на съ-
рощь, где отъ
ный ужасающій
русскої пе-

я произведе-
Западъ, явля-
еиентіе мемуа-
и думы.
аго, тѣль скла-
русскої обще-
иимѣя его
«Болоколь», де-
—освобождение

Этотъ органъ пользовался громад-
ными симпатіями всѣхъ мыслящихъ
людей Россіи и тревожилъ бюрократію.
Послѣдня не могла не считаться съ
нимъ, и «Болоколь» оказалъ неоцѣни-
мы услуги какъ дѣлу освобожденія
крестьянъ, такъ и русскому печатному

крайству.

Совершенно правъ г. Родичевъ, ко-
торый въ своей лекціи, между прочимъ,
сказалъ, что Герценъ былъ умѣст-
нымъ вождемъ 40-хъ годовъ
и практическимъ вождемъ передового
русскої общества въ 50-хъ годахъ,
исполнивъ эти задачи съ блескомъ и
славою.

Герценъ былъ свѣточемъ Россіи въ
самое темное и тяжелое время, онъ
поддержалъ русское общество въ самыи
опасныи для него періодъ господства
грубой силы и не мало способствовалъ
протрѣтию пути къ «своихъ великихъ
реформъ», со временемъ которыхъ наше
отечество перешло къ новой жизни.

И. П. Бѣлоконскій.

СТОЧКИ.

Герценъ.

поминаніяхъ
найти полу-
рвомъ само-
и Ник.,
будущихъ
пола» неза-

1829 года,
манъ, моло-
вившись къ
настоящими
ту и, блуж-
аадо менѣ
перова ми-
и на очна
протомъ, и
бовали бу-
само

ибо «ухи
раковинъ
быть
Истративъ
ищакъ си-
поглядыва-
корые сми-
5 рублей
изывались
и рабчи-

овываетъ
кой исто-
сть строй-
и, но и
тальецъ и

только
е, не въ
; страсть
не слав-
—стонть

хѣости и пенужности. Исторія-авто-
біографіи сумасшедшаго...

Съ такимъ взглядомъ на историче-
скій процессъ трудно было спрятать
сожженную безсильнымъ ядомъ иронію,
ульбку; Герценъ никогда не былъ
практикомъ, дѣльцемъ освобожденія—
онъ былъ Гейне нашего пуманизма, въ
политической прозѣ!

Однакъ,—рассказываетъ Пассекъ,
—молодой Герценъ по разсвѣянности
унасъ въ своемъ карманѣ какъ то
дѣтскую рубашку вмѣсто носового
платка. Онъ вернулся домой, разсѣ-
ренный:

— «Помажуй,—говорилъ онъ жено,—
это плеворъ! Что скажутъ тѣ, которые
видѣли, какъ изъ моего кармана ссы-
пались лоскутки, — это мѣщанство!

Не такая ли точно реакція барствен-
наго вкуса, не пенавѣстъ ли къ попи-
льямъ «лоскуткамъ» дешевыхъ ідей, ко-
торые «ссыпались изъ кармана», толка-
ла потомъ Герцена на его страшный,
пророческій походъ противъ мѣщанства,
завоевывающаго Европу, мѣръ?

Герценъ былъ иностранецъ не толь-
ко въ Россіи, откуда онъ бѣжалъ; не
только въ Европѣ, цѣлъ онъ скитался—
онъ былъ «иностранецъ своего въ
времени», какъ самъ онъ юдѣлъ то
выразился по поводу философіи древ-
ности...

Въ своемъ старомодномъ, изящномъ
спортижѣ, съ проницательными, уста-
льными лицомъ, онъ скитался изъ одного
европейскаго города въ другой, вѣчно
неуспокоенный, скептический идеа-
листъ благородный странникъ мы-
сли. Съ нимъ была его Natalie, его
книги, рукописи, его боливная совѣсть,
жажды прекраснаго человѣчества, тон-
кий вкусъ къ интеллектуальному шам-
панску...

лизма» и борьбы противъ народностей,
и неразрѣшимыхъ соціальныхъ противо-
рѣчій. Жизнь установить разумное соот-
вѣтствие производительныхъ силъ или
сама погибнетъ.

Новое царство жизни наступитъ лишь
тогда, когда на помощь мужчинѣ при-
деть съ полнымъ равноправіемъ жен-
щина, когда самый женскій вопросъ ста-
нетъ такимъ же суверѣмъ прошлаго,
какимъ теперь является религіозная не-
терпимость. Современная жизнь, почті
совсѣмъ устрившая изъ нашей жизни
внѣшнюю физическую опасность, но тре-
бующая все болѣе духовной энергии и
нравственнаго мужества, не оправдываетъ
приниженія положенія женщины. Въ
крестильянскомъ быту она и теперь несетъ
всю мужскую работу, въ городскомъ—
она часто исполняетъ такое же дѣло,
какъ мужчина, а въ интеллигентскихъ
кругахъ женщина, не имѣющая своей
специальной работы, по большей части
самая нечастная женщина, не находя-
щая никакого удовлетворенія въ хо-
зяйствѣ и въ воспитаніи дѣтей, которое
становится все болѣе общественнымъ и
государственнымъ дѣломъ.

Въ продолженіе многихъ вѣковъ луч-
шии мужчины истрашивались: они шли на
войны, въ далекіе походы или, борясь за
свои идеи, умирали на пострадахъ, напол-
нили тюрьмы, гибли въ ссылкѣ. Созда-
вался своего рода естественный отборъ
съ уничтоженіемъ лучшихъ и самыхъ
сильныхъ. Отъ революціи, отъ наполео-
новскихъ войнъ, отъ Вареоломесской
ночи до сихъ поръ не можетъ прийти въ
равновѣсіе Франція. И въ то время, какъ
исчезали лучшіе мужчины, богатѣи, выдвигались худшіе, тѣ, кто лучше при-
способился къ господствующему течению,
и эти Молчалины или Скаловубы брали
себѣ въ жены лучшихъ изъ женщинъ,
такъ что лучшіе женщины доставались
самымъ богатымъ и высокопоставлен-
нымъ. Отъ этого раса не улучшалась и
жизнь истощалась.

Но близко то время, когда женщина
подойдетъ къ мужчинѣ, какъ равна къ
мужину, когда она въ общественной
жизни будетъ товарищемъ мужчины, а
не предметомъ купли и продажи, когда
рядомъ съ нимъ она будетъ судьей, зако-
нодателемъ, авторомъ и, если понадоб-
ится, воиномъ, такъ какъ и теперь жен-
щина уже идетъ на войну сестрой мил-
сердія и учится наравнѣ съ мужчиной
соколиной гимнастикѣ. Женщина-граж-
данинъ, а не купленная болѣе богатымъ
красивая производительница подниметъ
человѣческую расу, уничтожить хилыхъ
дѣтей «конца вѣка», не умѣющихъ отли-
вать добра отъ зла, правой руки отъ лѣ-
вой. Быть можетъ, тогда измѣнится весь
семейный строй человѣчества. Быть мож-
етъ, исчезнетъ семья,—но разѣтъ она су-
ществуетъ теперь? Но можетъ быть так-
же, что окрѣпнетъ семья, пересоздавшись
на новыхъ основаніяхъ. Невѣдомы ко-
лическіи зѣли человѣчества, но ясны ста-
новятся его пути.

Въ Германи, классической странѣ по-
работченія женщины, поѣтъ уѣхавшія не-
давно цѣлые столицы выставкѣ «Die Frau
im Hause und Bergf» (Женщина дома и
на специальной работе), где были собраны
данные, освѣщающіе дѣятельность
женщины въ искусствѣ, литературѣ, на-

выдалъ имъ лишь карточку, на которой
«утвержденіе правительствомъ Univer-
sal Reisebüro» въ Вѣнѣ обѣщаетъ имъ
на всѣхъ восточно-европейскихъ язы-
кахъ—при прибытіи ихъ въ Вѣну «без-
платно отнести ихъ при посредствѣ на-
шихъ чиновниковъ въ наше бюро»...

Изъ Вѣнѣ зафрахтованные переселен-
цы были доставлены въ Базель въ аген-
тuru Charles Stäheli и здѣсь для
нашихъ 18 многострадальныхъ Одиссеевъ
началось подлинное «хожденіе по му-
камъ».

Ихъ держали въ запертіи, совсѣмъ какъ
арестантовъ. Проходили дни за днами,
и на всѣ вопросы, когда же, наконецъ,
отправятъ ихъ дальше, они получали
лишь уклончивые отвѣты. Пиши—до то-
го отвратительна, что даже попрізатѣ-
тельные русскіе мужчины, только превоз-
могая себѣ, могли питаться ею. Но и
при этомъ приходилось оставаться полу-
голыми.

На всѣ жалобы слѣдовала одинъ от-
вѣтъ: удары резиновой палкой! Видно,
что самобѣтное истинно-русское орудіе
«успокоенія» было горячо рекомендовано
швейцарской агентурѣ ея русскими пред-
ставителями...

Отглазіе мужиковъ, подвергшихся та-
кому обращенію, можно сказать, на гла-
захъ базельской полиціи, дошло до того,
что часть изъ нихъ устроила побѣгъ, не-
брались черезъ высокій заборъ...

Офиційной причиной задержки пе-
реселенцевъ выставлена якобы болѣзнь
глазъ. Но посѣтіемъ ихъ корреспон-
дентъ діархской газеты «Volkstrech»
констатируетъ лишь слѣды побѣга у
этыхъ «крупныхъ, сильныхъ, какъ мед-
веди, красныхъ людей».

Въ настоящее время швейцарская со-
ціал-демократическая печать, освѣд-
мененная русскими группами о всей этой
возмутительной эпопѣ, подняла агита-
цію съ требованіемъ офиціального раз-
слѣданія этого случая, какъ и вообще
дѣятельности международной шайки эми-
граціонныхъ агентуръ.

Характерно, что россійское посольство
въ Бернѣ, напротивъ, пажъемъ въ пажъ
не ударило, чтобы защитить русскихъ
крестьянъ.

Сей часъ агентура Stäheli хочетъ спа-
сить обобраныхъ ею до нитки эмигран-
товъ обратно въ Вѣну, причемъ отказы-
вается даже взять на себя обязательство
доставить ихъ изъ Вѣны дальше, въ Рос-
сію.

Но все же есть еще надежда, что подъ
давленіемъ поднятой агитациіи швейцар-
скія власти вмѣшаются и заставятъ аген-
турѣ дать возможность своимъ жертвамъ
добраться до Америки.

Такъ или иначе, «музикѣа ёдиссея»
увы!—далеко еще не закончена.

S.

О порядкѣ экзаменовъ жен-
щинъ, въ испытѣт., комис-
сіяхъ.

Министромъ народного просвѣщенія
сдѣланы руководящія указанія о порядкѣ
допускенія лицъ женскаго пола въ испы-
тательныи комиссіи, образуемыхъ при
университетахъ на основаніи Высочайши-

ради и на троих, и на троих, дорогое, и потребовало бы старое самое

— это говорю! Что склонять тѣ, которые видят, какъ изъ ящика кармана сыплютъ лоскуты, — это мѣща и стѣвъ!

Не такая же точно реакція барственности иска, не ненависть ли къ понизму «лоскутамъ» дешевыхъ идей, которые «сыпаются изъ кармана», толкаютъ Герцена на его страшный, пророческій выходъ противъ мѣщанства, занимающаго Европу, мѣръ...

Герценъ былъ иностранецъ не только въ Россіи, откуда онъѣхалъ; не только въ Европѣ, тѣмъ онъ скиталясь оѣхалъ «и по странѣ своего времени», какъ самъ онъѣхалъ по поводу философовъ древности...

Въ своемъ старомодномъ, изящномъ сюртукѣ, съ проницательными, устальмыми лицомъ, онъ скитался изъ одного европейскаго города въ другой, вѣчно неуспокоенный, скептический идеалистъ благородный странникъ мысли. Съ ними была его Natalie, его книга, рукописи, его болная совѣсть, жажды прекраснаго человѣчества, тонкий вкусъ къ интеллигентскому шампанскому...

Умралъ, вѣчный скиталясь, онъѣхалъ новыми путешествіями, забираясь на оминахъ и мчался, мчался куда...

— «Отчего бы неѣхать изъ Россіи?» — спрашивалъ онъѣхалъ, заѣхавъ до смерти.

Но въ Россію не пущали даже его безсмертие.

Незѣдѣственные детеніи барства стояли между Россіей и подлиннымъ барвиною русскаго духа. 35 лѣтъ его жизни были затрачены, его имя синтезировалось опаснѣемъ. «Изъ организма Россіи», — говорилъ по этому поводу Толстой, — насильственно было вынуть очень важный органъ...

Вѣкъ отмѣняетъ день его рождения по музическихъ дей зачатія новой Россіи.

Но свѣтлая тѣнь Герцена наклонилась надъ страной и ждетъ отвѣта. Родится ли...

Пессимистъ.

на и будущее жизни.

ооо

хвтореніе Тетмайеръ

только дикарь, исъ своего бога, скрылъ Иорон? Но разѣвъ изъ шутокъ сравнимыми обѣденными

Но только глушецъ есть, которую не мѣслы плачи. Отъ, нужно послѣдоватъ, который убываетъ

съ гордими углы, съ муравьемъ, бѣгущимъ бороться съ побѣдѣхъ парахъ! Смиришь будешь страдать

ропотъ склониши гомилотини? Будущая

жизнь людей проникнетъ со сноситъ угласіи предѣлами міра? Надѣя,

на глубинѣ душъ то, что алчѣтъ среди

всѣхъ минутъ блаженства остается? Что еще

и въ одной изъ преждѣхъ конца вѣка, какъ

внѣкрошаешьъ подъ гни-

томъ страданій? Безмолвно онъѣхалъ голову. Таковъ результатъ нашей культуры, какъ онъѣхалъ представляется современному скептику.

Конечно, сильно и можно движется эта культура впередъ, и тысячи изобрѣтений, усовершенствованій, новыхъ думъ и упорныхъ стремленій спасаютъ ее отъ разслабленія. Но кто не согласится съ тѣмъ, что осадокъ вопросовъ, безаппеляціонно поставленныхъ Тетмайеромъ, остался на дѣйствіи этой культуры, живеть въ каждой думѣ, можетъ быть, въ каждой мужской думѣ. И если въ концѣ концовъ мы пришли къ самоотрицанію, если типъ Фауста, демократизировавшись, породилъ, съ одной стороны, мелкое материалистическое міровоззрѣніе, съ другой — равнодушное презрѣніе къ исканію абсолютной истины, то значитъ, что или передъ человѣчествомъ стоитъ гибель и крахъ всѣхъ стремленій къ исполнительному добру, или необходимость нового выхода изъ сомнѣній. Чеховъ вѣрилъ въ то, что черезъ много лѣтъ наступить время, когда жизнь станетъ прекрасна. Конечно, жизнь сильнѣе человѣческихъ умствованій: она смететъ человѣка «концомъ вѣка», человѣка «политического равновѣса» и «вооруженного мира», «капитализма» и «центра-

лизма» буде генерациемъ мужчинъ, а не предметомъ купли и продажи, когда рядомъ съ ними она будетъ судьей, законодателемъ, авторомъ, и, если понадобится, воиномъ, такъ какъ и теперь женщина уже идетъ на войну сестрѣ милосердія и учитель на параллель съ мужской гимнастикой. Женщина-гражданка, а не купленная болѣе богатымъ красавицъ производительница подниметъ человѣческую расу, уничтожитъ хищныхъ дѣтей «конца вѣка», не умѣющихъ отличать добро отъ зла, правой руки отъ левой. Быть можетъ, тогда измѣнится весь семейный строй человѣчества. Быть можетъ, измѣнить семью, — но разѣвъ она существуетъ теперь? Но можетъ быть также, что окрѣпнетъ семья, пересоединившись на новыхъ основахъ. Познѣйштыя коначныя цѣли человѣчества, по ясны становятся его пути.

Въ Германии, классической странѣ поображенія женщины, печать удѣляла недавно цѣлью стѣблѣ выставки «Die Frau in Naun und Bergig» (Женщина дома и въ специальной работе), где были собраны данины, освѣщающіе дѣятельность женщины въ искусствѣ, литературѣ, наукахъ, педагогикѣ, соціальной жизни и т. д. Цѣлую неделю Берлинъ стоялъ подъ знакомъ женскаго двинжія, говорить известная писательница Алиса Заломонъ. Кромѣ выставки, была устроена женскій конгрессъ, собравший три тысячи членовъ и такую массу посторонней публики, что общее число постороннихъ посетителей заѣздѣй «Берл. Tageblatt» опредѣляется въ 5000 человѣкъ. Конгрессъ констатировалъ успѣхъ женскаго двинжія цѣлаго года таکую аудиторію, что въ Тюбингенскомъ университѣтѣ г-жа Обрист-Ленкъ своими лекціями по истории литературы привлекла въ продолженіи цѣлаго года такую аудиторію, что ей пришлось отвести самую большую залу въ университѣтѣ.

Какіе бы формы ни принимало въ настѣающее время женское двинженіе, окончательная победа его несомнѣнна. Быть можетъ, она наступитъ скоро. Мы можемъ сказать, что Россія въ этомъ отношеніи не отстаетъ отъ Европы. Даже оѣѣбрѣсты высказывались въ Гос. Думѣ за допущеніе женщинъ въ адвокатуру. Такимъ образомъ, передъ русской женщиной открывается широкое поле дѣятельности. Пусть она заранѣе готовится къ ней, пусть она работаетъ и учится, чтобы создать при первой возможности кадры интеллигентскихъ работниковъ. И тогда, разавивъ мужчинъ, женщина внесетъ свое душевное благородство и свѣжестъ силы въ общий культурный трудъ.

Проф. А. Л. Погодинъ.

Мужицкая Одиссея.

(Отъ нашего вѣнскаго корреспондента).

18 русскихъ мужиковъ очтились за границей, безаппомощные, въ средѣ чужихъ людей, говорящихъ на непонятномъ языке, — въ власти хинническихъ имигрантскихъ конторъ.

Это — политические эмигранты, а простые переселенцы, какихъ теперь сотни и тысячи покидаютъ родной клочокъ земли за надеждой тамъ, за освобождѣніемъ Соединенныхъ Штатахъ или Канады, найти хоть сколько-нибудь спаснѹю жизнь.

И эти 18 продали или заложили деревенскими ростовщиками свои клочки земли, а деньги, какъ водится, отданы «агенту», нарисованому такія заманчивыя картины ихъ будущей жизни и обязавшему доставить ихъ «прямо на мѣсто».

Квитанціи они не получили и не знаютъ даже имени «агента», который

заслужилъ звание генераторомъ мужчинъ, а не предметомъ купли и продажи, когда рядомъ съ ними она будетъ судьей, законодателемъ, авторомъ, и, если понадобится, воиномъ, такъ какъ и теперь женщина уже идетъ на войну сестрѣ милосердія и учитель на параллель съ мужской гимнастикой. Женщина-гражданка, а не купленная болѣе богатымъ красавицъ производительница подниметъ человѣческую расу, уничтожитъ хищныхъ дѣтей «конца вѣка», не умѣющихъ отличать добро отъ зла, правой руки отъ левой. Быть можетъ, тогда измѣнится весь семейный строй человѣчества. Быть можетъ, измѣнить семью, — но разѣвъ она существуетъ теперь? Но можетъ быть также, что окрѣпнетъ семья, пересоединившись на новыхъ основахъ. Познѣйштыя коначныя цѣли человѣчества, по ясны становятся его пути.

Сейчасъ агентура Stäheli хочетъ спасти обѣянныхъ ею до нитки эмиграціи, вѣроятно обратясь къ Вѣнѣ, притомъ отказывается даже взять на себя обязательство доставить ихъ изъ Вѣны дальше, изъ Рѣсію.

Но все же есть еще надежда, что подавленіемъ поднятой агитацией швейцарскія власти вѣмъются и заставятъ агентуру дѣлать возможнѣе, своимъ жертвамъ добраться до Америки.

Такъ или иначе, «мужицкая Одиссея» — увы! — далеко еще не закончена.

3.

О порядкѣ экзаменовъ женщинъ, въ испытат. комиссіяхъ.

Министромъ народного просвѣщенія сдѣланы руководящія указанія о порядке допущенія лицъ женскаго пола въ испытательную комиссию, образуемую при университетахъ на основаніи Вѣнскіхъ утвержденныхъ правилъ 19-го декабря 1911 года.

Постороннія слушательницы университета, прослушавшіе курсъ факультета и получившіе удостовѣреніе по формѣ, установленной прѣмѣнительно къ вышесказаннѣмъ свѣдѣтельствамъ, а также прослушавшіе курсъ другихъ высшихъ женскіхъ учебныхъ заведеній или иностраннѣхъ университетовъ, приобрѣтутъ право подвергаться испытаніямъ въ знаніи университетскаго курса и допускаются впередъ до учрежденія для этого испытательной особыї комиссіи къ испытанию въ соответствующей комиссіи при университете.

Постороннія слушательницы, прослушавшіе курсъ университета, но не соединившіе слушательницами университета до обнародованія закона 19 декабря 1911 года, окончившіе курсъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и представившіе удостовѣренія, упомянутыя выше, допускаются къ испытанию въ комиссіи безъ дополнительного испытанія изъ курса мужскіхъ гимназій. Пронз. лица допускаются къ испытанию на основаніи особ资料 разрѣшенія министра народного просвѣщенія.

Испытанія въ комиссіи производятся по правиламъ, для этихъ комиссій установленнымъ, съѣѣбрѣстыми дополненіями. Экзаменующіяся въ комиссіи подвергаются испытанію по всѣмъ предметамъ, которые входятъ въ составъ курса подлежащаго факультета или отдѣленія, но могутъ раздѣлить всѣ предметы испытанія на две группы и подвергаться испытанию въ два срока съ промежуткомъ не дѣлѣ двухъ лѣтъ. Въ составѣ первой группы испытания входятъ предметы, по которымъ въ университете экзамены производятся на такъ называемыхъ полукузовныхъ испытаніяхъ; къ составу второй группы относятся предметы испытания въ комиссіи, и по желанію не болѣе трехъ предметовъ первой группы. Получившая въ испытаніи первой группы одну или нѣсколько неудовлетворительныхъ отмѣтокъ имѣетъ право присоединить этотъ предметъ ко второй группѣ или вновь подвергаться испытанию по этому предмету въ слѣдующей комиссіи. Получившая неудовлетворительную отмѣтку по одному изъ предметовъ комиссіонного испытанія теряетъ право на продолженіе испытанія. Не выдержавшая испытанія въ новой испытательной комиссіи на общихъ основаніяхъ. Выдержаніе испытанія по всѣмъ предметамъ соответствующаго факультета или отдѣленія получають дипломъ по установленной для университета формѣ съ указаніемъ права, предоставляемаго этимъ дипломомъ.

ПО ТЕЛЕГРАФУ И ТЕЛЕФОНУ

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 Ш.

Награжденія.

Награждаются: орденомъ св. Анны 2-й степени старший касир харьковской конторы Государственного банка Томилинъ.

Орденомъ св. Анны 3-й степени: податной инспекторъ Сумского уѣзда Варфоломеевъ.

Орденомъ св. Станислава 2-й степени: старший ревизоръ харьковского акцизного управления Успенскій, податной инспекторъ Харьковского уѣзда Ромашевичъ, старший бухгалтеръ харьковской казенной палаты Маевскій и бухгалтеръ Цебенко.

Орденомъ св. Станислава 3-й степени: непремѣнныи членъ харьковского отдѣлена крестьянского банка Дикаревъ, ахтырский казначай Вѣтковъ, старшіе помощники надзирателя харьковскаго акцизного управления Зеленко и Вареницынъ, старшіе бухгалтеры казначействъ — елатомскаго — Пичинскій, лебединскаго — Княжинъ; секретарь харьковскаго акцизного управления Торяниковъ, пакгаузный надзиратель харьковской таможни Гаевскій, бухгалтеръ харьковской конторы Государственного банка Тихоновъ.

Орденомъ св. Владимира 3-й ст.: директоръ харьковского коммерческаго училища Дубага.

Орденомъ св. Владимира 4-й ст.: преподаватели коммерческаго училища Вѣтуховъ и Мощенко.

Орденомъ св. Станислава 2-й степени: инспекторъ коммерческаго училища харьковскаго о-ва приказчиковъ Ивановъ.

Орденомъ св. Станислава 1-й ст.: начальникъ харьковско-полтавскаго управления землеустройства Гагенторнъ.

Орденомъ св. Владимира 4-й ст.: непремѣнныи членъ богоугодовской землеустроителной комиссіи Савичъ, учитель харьковскаго сельско-хозяйственнаго училища Загорскій.

Орденомъ св. Станислава 2-й ст.: непремѣнныи членъ ахтырской землеустроителной комиссіи Криницкій.

Орденомъ св. Станислава 3-й ст.: секретарь харьковской губернскай землеустроителной комиссіи Шевченко.

Орденомъ св. Станислава 1-й ст.: предѣдатель харьковскаго комитета, по распределенію по желѣзнымъ дорогамъ перевозоч-

предложили занять отъственныи постъ, но подъ условіемъ гарантировать невозможность повторенія такиго случайности, какъ киевская, онъ приведенъ бы быть отказанъ. Въ общемъ Курловъ увѣренъ въ оправданіи и не выращаетъ никакихъ опасеній за будущее.

Академическая жизнь.

Ко дню Пасхи будуть освобождены всѣ студенты, арестованы за участіе въ послѣдніихъ студенческихъ волненіяхъ.

На курсахъ Раева упраздняется юридическій факультетъ.

Різная извѣстія.

Въ военномъ министерствѣ.

По слухамъ, военный министръ Сухомлинъ оставляя свой постъ и будемъ замѣненъ своимъ нынѣшимъ помощникомъ Поливановымъ.

Польскии дѣла.

По слухамъ, введеніе городового положенія въ губерніяхъ Царства Польскаго пройдетъ въ порядкѣ 87-й ст.

Дипломатические вѣсти.

Екстенно выѣхалъ въ Римъ старшій чиновникъ канцелярии министерства иностран. дѣльца Дадматовъ.

Закончены русско-итальянскія переговоры по балканскому вопросу.

Памяти Философовой.

Розановъ въ „Новѣмъ Времени“, въ статьѣ, посвященной памяти А. П. Философовой, называетъ покойную вѣчной сестрой и вѣчною подругою женщинъ всѣхъ поколѣй до самаго далѣкаго будущаго.

Бомба.

Рабочій, случайно найдя на улицѣ бомбу, сталъ разбивать ее; происшедшій взрывомъ у рабочаго оторвана рука.

ПОЛТАВА.

Въ Хоролѣ, по распоряженію судебнаго слѣдователя, арестованы помѣщики братья Устимовичи. Арестованымъ предъявлено обвиненіе въ незаконномъ полученіи денегъ отъ киевскаго интенданства за якобы доставленный хлѣбъ.

терпелту, отставному титуларному советнику Сларову звание коммерции советника первої гильдіи. Купцу, лотомственному почетному гражданину Щекинову и потомственнымъ почечнымъ гражданамъ Лютеру и Третьякову званіе мануфактур-совѣтника.

Назначенія.

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 Ш. Директоръ департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ Ригихъ назначается товарищемъ главноуправляющаго землеустройствомъ; винницкий губернаторъ Любимовъ — директоромъ департамента земельныхъ имуществъ; винницкому-директору этого департамента Забло — члену совѣта главноуправляющаго.

Назначаются: вице-директоръ второго департамента министерства юстиціи Николаевъ директоромъ, начальникъ отдѣленія Веревкінъ — вице-директоръ второго департамента.

Награды и производство.

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 Ш. Производятся въ тайные совѣтники собственной Его Величества канцелярии старшій чиновникъ Шульманъ.

Производится въ тайные совѣтники чиновникъ особыхъ поручений министерства финансовъ Венцель.

Награждаются орденами: по канцелярии учрежденій Императорицы Маріи: Св. Владимира 2-й ст., инспекторъ медицинской части лейб-акушира Фе-меновъ; присвоенный въ канцелярии Паперевъ; Св. Аны 1-й ст. чиновникъ особыхъ поручений Вестманъ.

Производится въ тайные совѣтники чиновникъ маріи проинводится въ тайные совѣтники почетный блестатель профессиональныхъ курсовъ Ксенійского института Захарченко.

По главному управлению землемѣрія награждаются орденами: Св. Владимира 2-й ст. помощникъ начальника главного управления землемѣрія Ульяновъ. По главному управлению землемѣрія награждаются орденами: Св. Владимира 2-й ст. помощникъ начальника главного управления землемѣрія Ульяновъ. По главному управлению землемѣрія награждаются орденами: Св. Владимира 3-й ст. директоръ землемѣрія Трофимова; начальникъ канцелярии Зубовскаго; директоръ землемѣрія Польтьевъ; управляющій канцелярии Зубовскаго; директоръ землемѣрія Польтьевъ; управляющій землемѣрія Трофимова; начальникъ канцелярии Зубовскаго.

Награждаются орденами: по канцелярии учрежденій Императорицы Маріи: Св. Владимира 2-й ст. помощникъ начальника главного управления землемѣрія Ульяновъ; по канцелярии учрежденій Императорицы Маріи: Св. Владимира 3-й ст. помощникъ начальника главного управления землемѣрія Ульяновъ; по канцелярии учрежденій Императорицы Маріи: Св. Владимира 4-й ст. помощникъ начальника главного управления землемѣрія Ульяновъ.

По министерству иностранныхъ дѣлъ производятся: въ действительные статские советники: посолъ въ Лондонъ Фон-Эттеръ, генералы ищесы: въ Роттердамъ Петерсонъ, въ Гаагѣ Миллеръ, въ Менхедѣ иицъ Дабикъ, въ Канѣ Шебунинъ, въ Ханкѣ Тимченко-Островерховъ, въ Каадѣ Устиновъ, въ Бендеръ Фельборть, въ Янинѣ Целлуновъ, въ Марсельѣ Цѣхановскій, въ Галацѣ Картамышевъ, въ Кузыкѣ Федоровъ, въ Рушукѣ Палютовъ, въ Нью-Йоркѣ Шлиппенбахъ, въ Женевѣ Дамъ; советники посольства въ Токіо Броневскій.

Награждаются орденами: Вѣлаго Орла, посолъ въ Турціи Михаилъ Гирь: Св. Владимира 2-й ст. посолъ въ Японіи Малевскій-Малевичъ; посланникъ въ Норвегіи Крупеній; Св. Аны 1-й ст. непремѣнныи членъ совѣта министерства Ваксель, директоръ департамента личного состава Арцимовичъ, вице-директоръ Муромцевъ. Св. Станислава 1-й ст. посланникъ въ Греціи Свербевъ, генеральный консулъ въ Кашгарѣ Соколовъ. Св. Аны 2-й ст. генеральные консулы въ Бомбѣ Набоковъ, въ Омирѣ Наль.

По министерству внутреннихъ дѣлъ производятся: въ тайные совѣтники: директоръ центральнаго статистического комитета Георгіевскій, гродненскій губернаторъ Борзеній; въ действительные статские советники: воронежскій губернаторъ Голиковъ, управляющій отдѣломъ городскаго хозяйства главнаго управления юѣстнаго хозяйства Евтифеевъ.

По министерству внутреннихъ дѣлъ награждаются орденами: Вѣлаго Орла старшій цензоръ центральнаго постановленія по уѣстнаго хозяйства Фоминъ; Арасльевъ; Трушевъ.

По министерству тѣлесъ видѣній производится: въ тайные совѣтники: Арасльевъ, Трушевъ.

Тиценгаузенъ, магнатъ петербургской Гостицкой, Ласточкинъ, Курбасовъ, диміра 4-й ст. управляемыя палаты Министерства иицъ: киевского таможни.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: канцелярии минеральныхъ сырьевъ.

Награждаются орденомъ 1-й ст. губернаторъ Омскаго харьковскаго контрольного хайловъ.

По министерству мышѣнства награждаются: Вѣлаго Орла на горнаго управлениіи Владимировъ: диміра 2-й ст. начальникъ киевскаго геологическаго Чернавицкъ; Св. Афанасіевъ инспекторъ уѣзда Веревкій; Св. Афанасіевъ инспекторъ уѣзда Диміра: начальникъ отдѣленія Веселаго, управляемаго говіи Смилевъ, члена Асадаковъ.

По главному управлению землеустройствомъ тайные совѣтники: директоръ Кубицкаго канцелярии особыхъ поручений управляемаго Трофимова; начальникъ Ленинъ; никъ: управляемаго землемѣрія Кошко.

Награждаются орденами: въ 1-й ст.: товарищъ Польтьевъ, директоръ Трофимова; управляющій канцелярии Зубовскаго; директоръ землемѣрія Польтьевъ; управляющій землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: директоръ Кубицкаго землемѣрія Трофимова; начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ канцелярии землемѣрія Ульяновъ; директоръ землемѣрія Трофимова; начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

По министерству тѣлесъ видѣній даются въ тайные совѣтники: начальникъ землемѣрія Ульяновъ.

КІЕВЪ, 24

Никольской слошади и бодкѣ — съвышъ. десетки жоды прибываѣтъ; зевъ Труханъ Чистополь.

Орденомъ св. Владимира 4-й ст.: преподаватели коммерческаго училища **Вѣтуховъ** и **Мощенко**.

Орденомъ св. Станислава 2-й степени: инспекторъ коммерческаго училища харьковского о-ва приказчиковъ **Ивановъ**.

Орденомъ св. Станислава 1-й ст.: начальникъ харьковско-полтавскаго управления землемѣдѣліемъ **Гагенторнъ**.

Орденомъ св. Владимира 4-й ст.: непремѣнныи членъ богоугодовской землеустроительной комиссіи **Савичъ**, учитель харьковскаго сельско-хозяйственнаго училища **Загорскій**.

Орденомъ св. Станислава 2-й ст.: непремѣнныи членъ ахтырской землеустроительной комиссіи **Криницкій**.

Орденомъ св. Станислава 3-й ст.: секретарь харьковской губернскай землеустроительной комиссіи **Шевченко**.

Орденомъ св. Станислава 1-й ст.: предсѣдатель харьковскаго комитета, по распределенію по желѣзнымъ дорогамъ перевозочныхъ средствъ **Гаевскій**.

Орденомъ св. Аны 2-й ст.: старший ревизоръ харьковской контрольной палаты **Корженевскій**.

Передъ выборами.

Союзникамъ, во времея предстоящаго съѣзда, разрѣшено обсудить вопросъ о выработкѣ общаго плана предвыборной агитации и вопросъ о созданіи національнаго фонда.

Пуришкевичъ привлекъ редактора „Русскаго Знамени“ Дубровина къ отвѣтственности за клевету.

Церковный дѣлъ.

Мурдолюбовъ, ревизоравшій саратовскую епархію, въ докладѣ, представленномъ на имя оберъ-прокурора Синода, приводить рядъ волюющихъ фактовъ: епископъ Гермогенъ не признавалъ ни законовъ, ни синодскихъ властей и распоряжался въ епархіи по единичному усмотрѣнію; между прочимъ отсутствуютъ оправдательные документы по израсходованію 800000 р. монастырскихъ денегъ; Гермогенъ содержалъ при себѣ огромную свиту, обходившуюся ежегодно въ 18000 р.

Дѣла охраны.

Курловъ въ полуофициальной бесѣдѣ заявилъ, что не считаетъ себя виновнымъ въ прокуримироуемыхъ ему пре-ступленіяхъ; кievская трагедия 1-го сентября — чистая случайность, въ которой никто не виноватъ; если бы ему сейчасъ

пришло въ голову убийство Дубровина, канцелярии министерства иностранныхъ дѣлъ Далматовъ.

Закончены русско-итальянскіи переговоры по балканскому вопросу.

Памяти Философовой.

Розановъ въ „Новомъ Времени“, въ статьѣ, посвященной памяти А. П. Философовой, называетъ покойную вѣчной сестрой и вѣчно подругою женщинъ всѣхъ поколѣній до самаго далѣеко будущаго.

Бомба.

Рабочій, случайно найдя на улицѣ бомбу, сталъ разбивать ее; проишедшимъ взрывомъ у рабочаго оторвана рука.

ПОЛТАВА.

Въ Хоролѣ, по распоряженію судебнаго слѣдователя, арестованы помѣщики братья Устимовичи. Арестованы предъявлено обвинение въ незаконномъ получении денегъ отъ кievскаго интенданта за якобы доставленный хлѣбъ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

На дняхъ пріѣзжаетъ, выписаный въ цѣляхъ агитации и устройства предвыборныхъ соѣщаній депутатъ Пуришкевичъ. Группа союзниковъ, отказывающаяся отъ блока съ октагристами, надѣется на его помощь и поддержку въ смыслѣ обеспеченія только своихъ кандидатовъ.

Петербургск. телегр. агентства.

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 III. Объявляется высочайшая благодарность за труды въ международной комиссіи по выработкѣ законопроекта о казенныхъ землевладѣніяхъ и хозяйственныхъ операціяхъ: товарищамъ министровъ финансовому Николаеву, Веберу; юстиціи Веревкину; путей сообщенія Думитрашу, товарищу государственнаго контролера Николаеву, управляющему отдѣломъ промышленности Литвинову-Филиппинскому.

За труды по Царскосельской юбилейной выставкѣ товарищу главноуправляющаго землеустройствомъ графу Игнатьеву.

За труды по устройству и завѣдыванію русскимъ отдѣломъ международной выставки въ 1911 г. въ Римѣ, директору Императорскаго Эрмитажа графу Толстому.

Объявляется Высочайшая благодарность управляющему акционными собраниями Курской губ. Сосновскому.

Удостаиваются награжденія украинской бригадантами таежкой прокуроръ финляндскаго сената Хозяиновъ.

Пожалованія.

ПЕТЕРБУРГЪ, 24 III. Его Величество, по представлению министра торговли и промышленности соизволилъ по жалованію къ Паѣхѣ: первой гильдии купцамъ потомственному почетному гражданину Конраду и Шамарину, второй гильдии купцамъ Баздыреву, потомственному почетному гражданину Крюкову, потомственному почетному гражданину Мамонтову, Жернову, Вит-

рукъ и Фон-Эттеру, генераламъ: лейтенанту Ротгерману Петерсону, въ Тверской Миллеру, въ Минской князю Дабижу, въ Каневу Шебунину, въ Харькову Тимченко-Островскому, въ Канадѣ Устинову, въ Веймарѣ Фольберту, въ Яиниѣ Шалунину, въ Марсѣль Цыхановскому, въ Галацѣ Карпашеву, въ Кульдигѣ Федорову, въ Румуніи Палетову, въ Нью-Йоркѣ Шлиппенбаху, въ Женевѣ Даме; советнику посольства въ Токіо Броневскому.

Награждаются орденами: Вѣнгра Орла, посыпъ въ Тулунѣ Михаил Гирс; Св. Владимира 2-й ст. посыпъ въ Ионії Малеевъ-Касевичъ; посланникъ въ Норвегіи Крупенскій; Св. Аны 1-й ст. непремѣнныи членъ совета министерства Вансель, директоръ департамента личнаго состава Аракимовичъ, вице-директоръ Муромцевъ. Св. Станислава 1-й ст. посланникъ въ Греціи Свербѣвъ, генеральный консулъ въ Кампагнѣ Соковъ. Св. Аны 2-й ст. генеральныи консулъ въ Бомбѣ Набоновъ, въ Смирѣ Каль.

По министерству внутреннихъ дѣлъ: награждаются въ тайные советники: директоръ центральнаго статистическаго комитета Георгіевскій, таджикскій губернаторъ Борзеніо; въ дѣйствительные статскіе советники: воронежскій губернаторъ Голиковъ, управляющій отдѣломъ городскаго хозяйства главнаго управления местнаго хозяйства Евтифеевъ.

По министерству внутреннихъ дѣлъ: награждаются орденами: Бѣлаго Орла старший цензоръ цензуры иностраннаго газетъ и журналовъ Фоминъ; въ Владимѣра 2-й ст. членъ совета главнаго управления по дѣламъ печати Натенинъ, чиновникъ особыхъ поручений при министрѣ Лерхе; св. Аны 1-й ст. начальникъ главнаго управления по дѣламъ печати Бельгардъ; предсѣдатель техническо-строительного комитета Новиковъ; смоленскій тубернскій предсѣдатель дворянства князь Урусовъ; Св. Станислава 1-й ст. губернаторъ курляндскій Набоновъ, германскій Кошко; Св. Владимира 3-й ст. директоръ канцелярии министра Зубовскаго, тульскій губернаторъ Кобено, одесскій традиціоналистикъ Сосновскій, тверскій губернскій предсѣдатель дворянства Паскинъ, помощникъ начальника главнаго управления почты и телеграфовъ Осадчій, управляющій отдѣломъ главнаго управления местнаго хозяйства фонъ-Вите; Св. Владимира 4-й ст. никергородскій тубернаторъ Хвостовъ.

По министерству народнаго просвѣщенія: награждаются орденами: Св. Станислава 1-й ст. таизарщикъ министра Шевяновъ.

По министерству финансовъ: приводятся въ тайные советники: члены совета министра Сосновскій, Враскій, Левицкій, членъ совета Государственного банка Понсиковъ, управляющій рязанской казенной палатой Слезкинъ; въ дѣйствительные статскіе советники: управляющіе казенными палатами калужской Морозовъ, тобольской Бартъ.

Награждаются орденами: Бѣлаго Орла управляющій экспедиціей заточеній государственныхъ бумагъ Гавиладоровъ; Св. Аны 1-й ст. членъ совета Государственного банка Пенягровъ, управляющій петербургской судью кассою Шумахеръ, помощникъ начальника главнаго управления неокладныхъ сборовъ Левицкій; Св. Станислава 1-й ст. управляющій Государственнымъ банкомъ Коншинъ, управляющіе казенными палатами: волынскій Михайловъ, радомскій Шлихель, керенскій Соколовъ; Св. Владимира 3-й ст. директоръ особенной канцелярии по кредитной части Давыдовъ; управляющіе казенными палатами: бессарабскій Раевскій, владимирскій Шиповъ, лифляндской баронъ

Хрульевъ.

По министерству промышленности: тайные советники: місій, избранныхъ въ торъ института промышленности и технологіи: членъ учебнаго комитета начальникъ управления болотныхъ и писсе Шаховской.

Награждаются орденами: Вѣнгра Орла 2-й ст. таизарщикъ Григорьевъ-Константиновъ, членъ избирательнаго комитета Соколовъ, членъ управы имѣній въ Томске.

По государству: въ тайные советники: 1-й ст. таизарщикъ Савинъ, членъ избирательнаго комитета Тимофеевъ.

По государству: въ тайные советники: 1-й ст. таизарщикъ Савинъ, членъ избирательнаго комитета Тимофеевъ, членъ избирательнаго комитета Тимофеевъ.

Безпорошн. ЛОНДОНЪ, 24 III. Славные священники: по обвиненію въ пропагандѣ обояхъ мостовъ на Днѣстровскомъ сѣве Буковине: доказано, что арестованы призываютъ захватъ мѣста Труханова.

Безпорошн. ЧИСТОПОЛЬ, 24 III. Приводятъ воду въ Навигацію: възвѣши.

Безпорошн. ЛЬВОВЪ, 24 III. Славные священники: по обвиненію въ пропагандѣ обояхъ мостовъ на Днѣстровскомъ сѣве Буковине: доказано, что арестованы призываютъ изѣрѣ.

Въ связи со здѣствіемъ аресты въ Львовѣ: таизарщикъ Вендаска и приводятъ воду въ Навигацію: възвѣши.

Безпорошн. Война Италии. КАИРЪ, 24 III. Бенгаси, турецкій летчикъ Францескъ

ПОСЛѢДНІЕ

Быстрые

«Krieges Warszawa»

маніе на чрезвычайную промышленность:

Въ 1902 году находилось 1,933 единицъ съ 265,000 производствами за 455 миллионовъ.

Въ 1910 г. въ 10,000 промышленніяхъ было съмѣнено 455 миллионовъ. Хотя весьма увеличены въ значеніи измѣненія въ статистикѣ и статистика не можетъ признать

итиулярному со-
куперию со-
Купцу, потом
акционеру Шен-
кель почтенных
ретьякову зва-
нико.

Н. Директоръ
земельныхъ земель-
и назначается
ляющаго зем-
губернаторъ
департамента
вице-дирек-
Заблло—зме-
ляющаго.
екторъ второ-
го юстиции
начальникъ
вице-директо-
ра.
одства.

Производятся:
званий Его
чарий чинов-
никовъ.

а совѣтники
иенъ мини-
цель.

по канцеле-
рии Маріи
инспекторъ
кушнеръ Фе-
ль канцеля-
рии 1-й ст. чи-

Бестманъ,
Императоръ-
тайные со-
ль профес-
ническаго ин-

адѣловъ;
Влади-
мѣльника
шталмей-
стера

ыхъ дѣль-
ныхъ стат-
юсольства
зеральныхъ
рсона, въ
дѣ нияхъ
въ Ханы-
Канадѣ
орть въ
въ Цѣхахъ-
цевъ, въ
въ Палю-
бахъ, въ
сольства

хъ Михаилъ
съ по-
левичъ;
ленскій;
й членъ
дирек-
состава
Муром-
1-й ст.,
гене-
Соковъ;

ко кон-
Смирнѣ
и дѣль-
тиники:
щеска-
иенскій
зитель-
ижекъ
ионскій

Тиценгаузенъ, могилевской Поповский, петербургской Ласточкинъ, саратовской Лаппо, тульской Курбатовъ; С. В. Владимира 4-й ст. управляющий томской казенными штатами Маршанъ, начальникъ коммюнициального округа Норотинъ.

По министерству торговли производятся въ тайные совѣтники директоръ казакъскихъ минеральныхъ водъ Тиличевъ.

Награждаются орденами: С. Станислава 1-й ст. цолтавскій вице-губернаторъ Омонинъ; управляющей харьковской контроллью штатами Михайлова.

По министерству торговли и промышленности награждаются орденами: Бѣлаго Орла начальникъ томскаго горнаго управления Богоявленскій; С. Владимира 2-й ст. членъ горнаго совета князь Абемелекъ-Лазаревъ, директоръ геологического комитета Чернышевъ, инспекторъ горной части Урановичъ; С. Ани 1-й ст. главный инспекторъ учебной части Малининъ; С. Станислава 1-й ст. начальникъ отѣла торговыхъ портовъ Веселаго, управляющей отѣломъ торговли Сибирь, членъ совета министра Авдановъ.

По главному управлению землеустройства производятся въ тайные совѣтники: директоръ лѣнскаго департамента Кубанской-Потьухъ, чиновники особыхъ поручений при главно-управляющемъ Троцкій, членъ учнаго комитета Ленинъ; въ статсии совѣтниковъ: управляющей отѣломъ сельской экономики Кошкио.

Награждаются орденами: С. Ани и 1-й ст.: товарищъ главно-управляющаго Полѣновъ, членъ совета главно-управляющаго Терне и Праховъ, управляющей канцелярий главно-управляющаго Зубовскаго, причисленный къ главному управлению Головинъ; С. Владимира 3-й ст.: директоръ департамента землеустройства Слободчиковъ, директоръ московскаго сельско-хозяйственнаго института Ивероновъ.

По министерству юстиции производится въ тайные совѣтники начальникъ главного тюремнаго управления Хрулевъ.

По министерству путей сообщеній: производятся: въ тайные совѣтники: членъ совѣтъ: министра Добровольскаго, инженернаго Гершельманъ, директоръ института путей сообщенія Корейша, членъ учебнаго комитета Шмидтъ; въ действительные статсии: совѣтники: начальникъ управления внутреннихъ военныхъ и посѣсенныхъ дорогъ князь Шаховской, управляющей хозяйственными стѣбомъ управления железнодорожныхъ дорогъ Грековъ, управляющей физической частью управления внутреннихъ военныхъ и посѣсенныхъ дорогъ Проценко.

Награждаются орденами: С. Владимира 2-й ст. членъ инженернаго совѣтъ Риппель-Кетрицъ; С. Ани и 1-й ст. товарищъ министра Думитрашинъ, членъ инженернаго совѣтъ Тимоньевъ, членъ учебнаго комитета Шабуневичъ.

По государственному конинаводству производится въ действительные статсии: совѣтники: директоръ канцелярии главнаго управления Переяростовъ.

Разливъ рѣкъ.

КІЕВЪ, 24 Ш. Разливъ Днѣпра въ Никольской слободѣ затоплено 15 улицъ, площади и бazaar; въ предметной слободѣ—свыше 60 домовъ. На улицахъ

какъ данными въ 1902 и 1910 гг. основанные на официальной статистикѣ.

Констатируя это обстоятельство, называемый органъ замѣчаетъ, что промышленники склонны уменьшать цифры, казающіеся себѣности производимыхъ ими продуктовъ при официальной статистикѣ, а потому слѣдуетъ признать, что въ Польши производится товаръ на 1 миллиардъ рублей при полумиллионномъ промышленномъ пролетариатѣ.

Голодъ.

Съ марта начинается оживленіе переселенческаго движенія. Обыкновенно съ этого времени открываютъ переселенческие пункты и столовые для переселенцевъ въ нѣкоторыхъ станціяхъ. Въ этомъ году они болѣе, чѣмъ въ другіе годы, необходимы, потому что большинство переселенцевъ направляется въ Сибирь изъ мѣстъ, пораженныхъ неурожаемъ, но столовые неустроены, на пунктахъ не даютъ пищи. Положеніе нѣкоторыхъ пришло отчаянное.

9 марта съ запоздавшимъ № 22 проѣжало черезъ ст. Канскъ около 200 переселенцевъ. Большинство изъ нихъ не было по нѣсколько сутокъ. Выѣхались даже изъ этой нищенской и голодной массы 15 семействъ, около 70 душъ, направляющихся изъ Тургайской области въ Никольскъ-Усугрійскъ. На скамьяхъ вагоновъ лежатъ почернѣвшіе отъ грязи тѣла, прикрытые тряпьемъ,—это женщины, не рискующіе отъ стыда выйти изъ вагона; дѣтчики плакутъ, просиѣть; мужчины, съ изможденными лицами и прикрытыми какими-то рваньемъ, просятъ хлѣба,—они не были около пяти сутокъ. Въ Челябинскѣ имъ выдано свидѣтельство о томъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, что полагается кормить за счетъ переселенческаго управления, но до Канска ни на одной станціи имъ быть не давали. Не дали и въ Канскѣ, потому что не получено еще распоряженіе обѣ открытии столовой для прѣѣзжихъ переселенцевъ. И они, голодные и голые, поѣхали дальше, прося хлѣба для сохраненія жизни!

Совѣты патріотовъ.

«Землица» приглашаетъ Кассо принять драгоценныя мѣры для очистки средней и высшей школы: спустя погибнуть сотни профессоровъ и тысячи студентовъ, но Россія будетъ спасена и имъ Кассо будетъ благословленіе».

«Землица» называетъ предположеніе русскихъ здѣстровъ совершилъ по乐意и Паризъ въ память отечественной войны «позорной затѣй» и высказываетъ желаніе, чтобы они сломали себѣ шею.

Политика.. и компотъ.

Въ мартовской книжкѣ «Жизнь для Всѣхъ» помѣщена любопытная бесѣда съ членомъ Думы Д. П. Гулькинымъ, крестьяниномъ-депутатомъ отъ Бессарабской губерніи, прошедшемъ въ Думу подъ флагомъ «союза русскаго народа», а затѣмъ отколившимъся отъ крайнихъ правыхъ и считающимъ себя беспартийнымъ прогрессистомъ.

«До выборовъ я былъ членомъ союза русскаго народа,—рассказываетъ Гулькинъ,—на выборахъ прошелъ съ правыми, а теперь—беспартийный и сижу въ прогрессистахъ. Кто не знаетъ, ска-

ду?.. Компотъ то, видно, къ добру не приводить: не компотъ я ймъ, а живое мужикское мясо, человѣчину!..

Гулькинъ не захотѣлъ быть человѣческаго мяса и отказался и отъ... компота. Уѣдъ отъ драмы, онъ не прикинулся къ другимъ партіямъ, и въ качествѣ «безпартийнаго» подвергаетъ различия нартѣ довольно рѣзкой, порой оструюю критикѣ. Вотъ какъ онъ объясняетъ различие между умѣренными правыми и крайними правыми.

«Умѣренно-правые это—люди сытые. У нихъ все есть—и богатство, и власть. Такімъ нечего добиваться: дай Богъ старое въ рукахъ удержать. Вотъ почему они, когда ихъ не забираютъ изъ кармана, ведутъ себя спокойно и увѣренно!.. Не то крайний правый: «У него или совсѣмъ ничего нѣтъ, или есть, да мало. А жадность изъ жизни большая. Онъ видитъ вскому, кто живетъ лучше его. Ему тоже хочется достичь, добиться, устроиться. И потому онъ постоянно шумитъ и постоянно беспокоятся. А вскому сверху увидятъ и дадутъ ему что-нибудь. Отсюда—борьба Пуринкевичъ и Марковыхъ съ Крупенскими и Балашовыми!..

Словомъ, умѣренные правые это—люди, у которыхъ въ жизни достаточно «компота» и которые могутъ имъ угодить другимъ, а крайние правые это—мечтающие о «компотѣ» или недостаточно имъ насладившіеся.

Хлыстовщина.

Г. Гофштеттеръ рисуетъ въ «Новомъ Времени» удурующую картину дѣятельности «единаго полулярнаго мистика изъ народа».

(О комъ идѣть рѣчь—не трудно догадаться!)

Тѣнѣнѣй кружокъ послѣдовательницъ именуетъ его своимъ духовеннымъ отцомъ, вѣрятъ въ присутствіе въ немъ небесной благодати, призываютъ ему способность исцѣблій, исновидѣнія и пророчествъ, какою обладали, по мнѣнію ихъ поклонниковъ, и настоящіе хлыстовскіе христы. Его богословскіе разсужденія ограничиваются преимущественно изложеніемъ текстомъ наставления того, что «Духъ Божій вѣсть, гдѣ хотѣть»—тема довольно полулярна и у хлыстовъ. Какого-либо опредѣлѣннаго вѣроученія онъ даже и не пробуетъ создать.

Одна изъ его интеллигентныхъ поклонницъ сначала пытась разработать отвлеченную теорію о религіозномъ значеніи старчества, но такъ быстро была захвачена магическими чарами мистического гипноза, что вскорѣ пришла въ состояніе, близкое къ невѣмѣнному, и совершенно утратила способность къ умственной работе.

Удна, образованная, прекрасно воспитанная женщина среднаго возрастнаго круга, она всѣхъ перваго здѣсь стала сѣльской женой штабс-капитана старца, потому что изъ Думы подъ флагомъ «союза русскаго народа» вернулась въ семью, безпрѣпятственно скитаюсь по знакомымъ, то буда-то печенай съ горизонта, то снова появляясь въ свѣтѣ временно набѣжавшаго старца. Она вся проникнута мыслью, что старецъ—живой Богъ во плоти,—чисто хлыстовское вѣрованіе, объясняемое только ея болѣзнистымъ состояніемъ. Обозначеніе личности старца она доводила до того, что въ од-

персон, въ
князь, въ Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

и въ
Канадѣ
льбортъ, въ
въездъ Цѣхъ-
мышевъ, въ
шукъ Палю-
пенхай, въ
посольства

Совѣты патріотовъ.

«Земціна» приглашаетъ Касса принять драконовскія мѣры для очистки средней и высшей школы: «пустя погибнутъ сотни профессоровъ и тысячи студентовъ, но Россія будетъ спасена и имя Касса будетъ благословлено».

«Земціна» называетъ предположеніе русскихъ авторовъ совершилъ полетъ въ Парижъ въ память отечественной войны «позоромъ альбѣтъ» и выказываетъ желаніе, чтобы они сломали себѣ шею.

Политика.. и компотъ.

Въ марговской книжной «Жизни для Всѣхъ» помѣщена любопытная юстиція съ членомъ Думы Д. П. Гулькинымъ, крестьяниномъ-депутатомъ отъ Бессарабской губерніи, прошедшемъ въ Думу подъ флагомъ «союза русского народа», а затѣмъ отковавшимъ отъ краинъ правыхъ и считающимъ себя беспартийнымъ прогрессистомъ.

«До выборовъ я былъ членомъ союза русского народа»,—рассказываетъ Гулькинъ, — на выборахъ пропалъ съ правыми, а тальеръ—безпартийный и сижу въ прогрессистахъ. Что не знаѣтъ, скажетъ что это—обманъ, что я обманулъ избирателей. Обманъ быть, это вѣро, но только кто-кого обманулъ, это еще надо разобрать, это видно будетъ дальше. Я вамъ расскажу все, какъ сумѣю».

Въ разсказѣ Д. П. Гулькина наиболѣе интересное, это—объясненіе, какъ запали въ его душу сомнія, скѣдѣть-ли ему въ мѣсяцъ симѣнія, сѣдѣть-ли въ Думѣ держаться вѣмѣтъ съ правыми. Пройди на выборахъ благодаря Крупенскимъ, онъ сначала сѣялъ и въ Думѣ за Крупенскими, т.-е. за «умѣрѣнными правыми». Послѣдніе собирались на квартире у Балашова, «страшаго багача», по выражению Гулькина.

«Жить было хорошее. Во время съборій—тай, печенѣ, варени, а разъ и даже два раза въ мѣсяцъ обѣды «товарищескій обѣдъ», все за счетъ Балашова. Чѣмъ только на этихъ обѣдахъ насытъ, мужиковъ, ни вориши! Чего раньше и въ сѣнѣ не видѣлъ. Коновъ, ростбифъ, компотъ!.. Вотъ это-то компотъ меня и началъ наводнить на умы.

— Фу, ты, думаю, Гулькинъ, какая тебе честь! Кабы не были ты депутатомъ, такъ тебя не только за столъ съ Балашовымъ не посадили бы, а, можетъ быть, и сало-то имъ чистить не допустили.. А тутъ: «Пожалуйте... милости проسىмъ!.. Что говорить, компотъ—иткуя вѣкусину, но даромъ кормить сю не ста-нутъ.

Къ чему бы все это?.. Тутъ что-нибудь да не такъ. Стало-быть, и имъ нуженъ?.. Ужъ не отдохъ ли я за компотъ чего-нибудь подороже?..

Роль «компота» окончательно выяснилась въ глазахъ Д. Гулькина, когда на собраніяхъ фракціи правыхъ стала обсуждаться предварительные вопросы, подлежащіе голосованію въ Думѣ. «Стало обсуждать впередъ заранѣе каждый вопросъ, оговариваться, кому и какъ выступить что говорить?..

«А вопросы пошли вѣдь такіе, что я все время стаѣ оставаться въ меньшинствѣ: объ условіи осужденія, о свободѣ совѣстї и т. д. Тутъ ужъ я сильнѣ задумался. Какой же я депутатъ? Надо тебѣ что-нибудь сказать по-совѣстї, а тебѣ не пускаютъ: «Гулькинъ! куда ты? назадъ?» Видишъ и понимаешь, что законъ предлагается хороший, полезный для народа, а неслыханно говорить, ни голосовать за него: Крупенскими онъ не нравится или не нуженъ. Уходить во время голосованія въ кулуары? Но куда уйдешь отъ своей совѣстї? А если выйдешь такъ, что какъ разъ много-то голоса не хватитъ, чтобы сдѣлать добро народа

стѣ. Его богословскія разсужденія ограничиваются преимущественно излюбленнымъ текстомъ начиная отъ «Духъ Божій вѣтъ, где хочетъ»—тѣмъ довольно популярнымъ и у хлыстовъ. Каково-либо опредѣленіе Европеи съ даже и не пробуетъ создать.

Одна изъ его интеллигентныхъ поклонницъ сначала пытается разработать отвлеченную теорію о религиозномъ значеніи старца, но такъ быстро бывшіе захваченымагическими чарами мистического гипноза, что вскорѣ пришла въ состояніе, близкое къ невѣdomству, и совершенно утратила способность къ умственному работѣ.

Ужасъ, сознаніе зла, прекрасно воспѣвавшаго жизнью «такъ-то», охватило ее цѣлою кругомъ, она рѣзко покинула свой домъ штаб-квартирой старца, потому бросила на старца тѣлъ, линчилась возможности вернуться въ семью, безпріютная скитаилась по знакомымъ, то куда-то исчезала съ горизонта, то снова появляясь въ свѣтѣ временно набѣжавшаго старца. Она вся проникнута мысли, что старецъ—живой Богъ во плоти,—чисто хлыстовское вѣрованіе, объясняющее только ея болѣзнистымъ состояніемъ. Обожествленіе личности старца она доводила до того, что въ одномъ домѣ стала мыть его бѣлье въ суповой чашѣ..

Въ послѣдній разъ я видѣла эту когда-то интеллигентную и образованную женщину облеченню въ армисъ и шапку старца. Съ дикими взорами скорчилась она казакомъ на диванѣ, придерживая руками шапку на головѣ, какъ священную реликвию, ѿно прикоснувшись къ которой уже давно ей инущеніе райской блаженности, а бѣдный и растерянный «старецъ» пытался трясущимися руками сервировать съ нея свои вещи.

Дихая, возмужалая сцена! На мой ушеркъ: «Что ты одѣдалъ изъ человѣка?»—старецъ бросилъ наѣльную борьбу съ обезумѣвшей и, тяжеле дыша, отвѣчалъ торжественнымъ голосомъ:

— Она отрѣдѣла такая была! На кого Богъ захочетъ, на того и напишилъ бѣльзъ. Это—не моя вина. А ты винишь меня потому, что въ Бога не вѣришь и въ церкви не ходишъ.

— Мало ли людей на свѣтѣ постоянно ходятъ съ ума, такъ неужели онъ за всѣхъ долженъ отвѣтѣть?—встѣпилась за него присутствовавшая тутъ же другая его поклонница изъ наиболѣе приближенныхъ и посвященныхъ.

Объ этой же несчастной авторъ далѣе разсказываетъ:

За нѣсколько мѣсяцевъ до разсказанного эпизода та же изтушенная послѣдовательница обридилась въ бѣлый балашовъ и стала ходить босой. «Старцу» не понравилось это новшество, заведенное при томъ же безъ его разрѣмѣнія, и онъ сердито прогналъ босую домой съ приказомъ обуться. Когда она вернулась къ нему уже въ башмакахъ, онъ при мнѣ сказалъ ей ласковымъ тономъ:

— Ну, вотъ, хорошо. Покорилась, обула сапоги, теперь, если хочь, ходи и босасъ.

Выходя какъ-то отъ меня, она стаѣ сдѣлаться въ темной переднюю обувать вчерашній мужчина, привыкшій къ рабочему поклоненію и услугамъ, властно крикнулъ:

— Ольга, тѣбѣ моя казацъ?

И вчерашній барыня стремительно бросилась въ темную переднюю обувать разбалованнаго «мужичка».

Онъ старательно культивируетъ въ своихъ поклонницахъ безпрекословное повиновеніе и систематически воспитываетъ ихъ изъ мистического поклоненія себѣ. Хотя до конца умопрераденія дошелъ, кажется, только одна изъ нихъ, но и вѣдь остальная ходить въ сущности, по той же опасной дорожкѣ.

Послѣднія новости.

Быстрый ростъ промышленности.

«Kriegler Warszawski» обращаетъ вниманіе на чрезвычайный ростъ польской промышленности за послѣдніе десятилѣтія.

Въ 1902 году въ Польской империи находилось 1,933 промышленныхъ заведеній съ 265,000 рабочихъ; цѣнность производства за этотъ годъ составляла 455 миллионовъ.

Въ 1910 г. въ Польши насчитывали 10,000 промышленныхъ заведеній, рабочихъ было свыше 400,000 чел., цѣнность производства составляла около 860 миллионовъ рублей.

Хотя весьма возможно, что рѣзкость увеличенія въ значительной мѣрѣ объясняется измѣненіемъ методовъ регистрации и статистики въ разныіе годы, тѣмъ не менѣе ростъ промышленности слѣдуетъ признать очень быстрымъ, такъ

